

Яков Бутович

Архив
сельца
Прилепы

Яков Иванович Бутович

Архив сельца Прилепы.

Описание рысистых заводов России

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14540722

*Архив сельца Прилепы. Описание рысистых заводов России: им.
Сабашниковых; Москва; 2015
ISBN 978-5-8242-0142-0*

Аннотация

Имя Якова Ивановича Бутовича (1882–1937) хорошо известно историкам коневодства в России. Коллекционер, редактор и издатель журнала «Рысак и скакун», владелец конного завода всю свою жизнь посвятил всемирно известному орловскому рысаку. Я. И. Бутовичу принадлежал конный завод в Прилепах в Тульской губернии, недалеко от Ясной Поляны. Позднее, в тяжелейших условиях послереволюционной разрухи ему удалось сохранить племенной фонд знаменитой породы. Его рысаки были связаны кровными узами с рысаками других заводов, и, желая проследить развитие породы, Бутович принялся за составление летописи лучших рысаков. Эту работу над книгой автор начал в 1926 г., когда судьба его завода уже висела на волоске, и продолжил после ареста в 1928 г., находясь

в заключении. «Архив сельца Прилепы» будет интересен и специалистам, и широкому кругу читателей, всем, кому дорог орловский рысак, ставший по выражению Бутовича, частью русской культуры.

Содержание

От издателей	7
Повести заводской книги	12
Введение	24
Завод И. И. бутовича	33
Завод В. И. бутовича	70
Мой завод	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Яков Бутович
Архив сельца Прилепы.
Описание рысистых
заводов России

© А. А. Соколов, публикатор, 2015

© А. А. Соколов, С. А. Бородулин, предисловие, примечания, 2015

* * *

Корнет Яков Бутович

От издателей

Работу над «Архивом сельца Прилепы» (мы сохранили авторское название рукописи) Яков Иванович Бутович начал летом 1926 года и вынужден был прервать ее в декабре 1927-го. Время было не просто сложным, но страшным. Судьба Прилепского конного завода висела на волоске, так же как и судьба самого автора. Приходилось вести борьбу с местными и московскими властями, искать способы прокормить, воспитать, сохранить лошадей, не дать разграбить дом и хозяйство... Нужно было выжить физически, а чтобы выжить духовно – сохранить дело всей жизни. Удерживать хрупкое равновесие в новой России бывшему тульскому помещику и идейному коннозаводчику становилось все труднее. Я. И. Бутович в этих обстоятельствах проявил себя политиком, если не сказать эквилибристом: чтобы удержаться на плаву, он использовал незаурядные таланты финансиста и дипломата, которыми был щедро одарен.

Тем не менее он продолжал писать. Работу над своими воспоминаниями он оборвал, остановившись на событиях февраля 1917 года (к рукописи воспоминаний Бутович вернется только в ноябре 1928 года, уже после ареста). Кажется, обстановка не способствовала литературным трудам, да и никаким другим трудам тоже. Но он открыл новую тетрадь и написал заголовок: «Архив сельца Прилепы. описа-

ние рысистых заводов России». Задачу он поставил грандиозную – впрочем, такими были все задачи, которые ставил перед собой этот талантливый человек. Я. И. Бутович хотел рассказать о 82 конных заводах, где он бывал. Он собирался дать очерки истории заводов, описать их владельцев, рассказать о маточном составе и производителях, наконец, рассмотреть те идеи, которыми руководствовались коннозаводчики в своей работе.

Яков Иванович продолжал писать, когда летом 1927-го узнал о том, что судьба Прилеп окончательно решена. Он не отложил рукопись даже зимой того же года, когда со дня на день ждал, что его выбросят из построенного им дома, из созданного им имения. Удивления и восхищения заслуживает вся его работа, а особенно то, сколько он успел сделать за такое короткое время и в таких нечеловеческих обстоятельствах. Быть может, работа над рукописью придавала ему силы: ведь он писал о главном для себя.

Сохранилось 28 тетрадей «Архива...», где описаны 35 заводов, то есть полностью замысел реализовать не удалось. Но автор сделал едва ли не больше, чем обещал читателю во вступлении. Он описал знаменитые и незначительные конные заводы, огромные хозяйства, вроде Дубровки, и маленькие, недолго существовавшие, вроде завода М. Ф. Семиградова. Он описал знаменитых деятелей коннозаводства, таких как Ф. Н. Измайлов и С. Г. Карузо, и дилетантов конного дела, «играющих в лошадки». Он описал свои поезд-

ки в табун, лошадей, мирно бредущих по заливным лугам, дорогу с какой-нибудь железнодорожной станции до первых заводских построек, запущенные парки старых имений, полотна, украшавшие стены барских домов. И живая картина предстала взгляду – Россия начала XX века накануне потрясений и небывалых перемен, страна, которой уже нет, которая жива лишь на страницах воспоминаний, написанных с любовью. Бутович рассказал о ночных бдениях и размышлениях над записями и таблицами заводских книг, об увлекательном для генеалога поиске предков какого-нибудь рысака, об открытиях, радость которых понятна любому специалисту, любому творческому человеку. Излагая историю очередного завода, Бутович описывает разные этапы его существования и тот заводской материал, который был положен в его основу, и уводит читателя в глубь времен. Так что, по сути, заводов описано больше, чем обозначено в предисловии. Например, в очерке о заводе А. В. Якунина есть рассказ о Хреновском заводе и заводе В. П. Охотникова; в очерке о заводе герцога Лейхтенбергского – описание завода графа Кутайсова; рассказ о заводе Г. Г. Елисеева автор начинает с описания завода Борисовских.

В оригинале рукописи более 1200 страниц. Этот огромный материал мы разбили на три отдельных тома. В первом томе, который вы держите в руках, описаны заводы И. И. Бутовича и В. И. Бутовича, отца и брата автора, и подробно рассказана история его собственного завода. Во второй том

мы поместили очерки о заводах Г. Н. Бутовича, Н. Н. Аракса, П. А. Значко-Яворского, князя Д. С. Щербинского, С. Г. Карузо, А. В. Якунина, Л. А. Руссо, П. С. Ралли, В. П. Микулина, Н. М. Соловьёва, наследников князя А. В. Мещерского и наследников М. Ф. Семиградова, братьев Горвиц, Н. К. фон Мекка, П. В. Маркова, С. В. Живаго, Н. С. Шибаева, Г. Г. Елисеева, графа Г. И. Рибопьера, рассказ о трех заводах семьи Терещенко и заводе А. М. Перепёлкиной. В третий том вошли очерки о заводе М. Я. Сухотина и работа «Этюд о Бычке», а также описание заводов М. В. Воейковой, И. Г. Курлина, знаменитой Дубровки великого князя Дмитрия Константиновича, заводов И. Г. Афанасьева, герцога Г. М. Лейхтенбергского, Ф. И. Лодыженского, А. И. Рымарева и Д. А. Расторгуева.

Издание будет интересно разным читателям. Специалисты – зоотехники, селекционеры, коннозаводчики – найдут в нем размышления генеалoga. Все, кому дорог орловский рысак, – страстную проповедь убежденного сторонника орловской партии. Те, кто интересуется историей страны, прочтут рассказ о том, какой она была и какой могла бы стать.

Нам жаль, что рукопись сохранилась не полностью, жаль, что автор не завершил работу над ней. Мы рады, что хотя бы часть «Архива сельца Прилепы» сохранилась и увидела свет. И благодарим всех, кто помог в этой непростой работе.

Особую признательность мы хотели бы выразить коннозаводчику Клименту Николаевичу Мельникову. Благодаря его

помощи мы работаем сейчас над изданием «Архива сельца Прилепы», благодаря ему увидели свет второй и третий тома воспоминаний Якова Ивановича Бутовича (книги «Лошади моей души» и «Лебединая песня») и был переиздан первый том этих воспоминаний («Мои Полканы и Лебеди»). По инициативе и при поддержке К. Н. Мельникова изданы еще несколько книг, посвященных орловской рысистой породе лошадей. Мы хотели бы надеяться на продолжение этого сотрудничества, которое дает возможность постепенно сокращать белые пятна (или, по выражению Я. И. Бутовича, «мертвые поля») в истории орловской породы.

Повести заводской книги

«Мы пережили войну, революцию, опять войну, на этот раз Гражданскую, успели разрушить почти до основания саму Россию, а рекорд орловского рысака все еще стоит за потомком Полкана!» Конечно, в этой фразе из рукописи Я. И. Бутовича «Архив сельца Прилепы» противопоставляются друг другу не сельскохозяйственное животное и революционная смена общественного строя, а два родоначальника знаменитых беговых линий орловских рысаков – Полкан 3-й и Бычок В. И. Шишкина. Речь о том, кому из них быть главою бегового рода. Но все же не случайно Полкан и революция встают в этом высказывании друг против друга, как два окопа. Эта фраза ясно показывает, что для коннозаводчика было ценно.

В 2003 году мы издали первый том воспоминаний Я. И. Бутовича – книгу «Мои Полканы и Лебеди». Тогда мы были уверены, что этого благоразумного и рассудительного человека, коннозаводчика-миллионера, побудило отказаться от эмиграции главным образом страстное желание сохранить труды рук своих – орловских рысаков Прилепского завода и примерно три тысячи картин и других предметов искусства, уникальное художественное собрание, посвященное лошади.

А сегодня правдой кажется другое. Мужество Я. И. Бу-

товича ярко проявилось, когда он начал решительно защищать избранную им еще в юности излюбленную селекционную формулу заводской работы. Это был, позволим себе так сказать, священный огонь селекционера, горевший в нем как на треножнике, колеблемом вихрями революции и Гражданской войны. Полкан плюс Полкан, Полкан 3-й плюс Лебедь 4-й, Полкан плюс Бычок – отстаивание этой формулы подборов рысистых кровей стало одним из основных уроков этой книги. Ради избранного способа подбора Бутович оставил вначале родных, затем отказался от владения заводом – сам добился его национализации, чтобы спасти, затем сам передал государству свою художественную коллекцию. Он остался на родине. Зачем? Погромы Гражданской войны уничтожили завод Н. П. Малютина, то есть лучших Добродеев, Летучих, Удалых; завод Г. Г. Елисеева, то есть заводы Борисовских, И. А. Молоцкого, зятя В. И. Шишкина; завод И. Г. Афанасьева, то есть уникальное сочетание Кроликов с серыми Полканами; Дубровский завод, маточный состав которого «одними деньгами создать было нельзя, как нельзя было его и купить ни за какие деньги», с его столь же уникальным и прекрасным влиянием Горноста на Бычков; завод семьи Шибаетых, работавший с Кряжами и кровью Чародея А. Б. Казакова. Остатки Ивановского завода герцога Г. М. Лейхтенбергского растворились в новом советском Хреновом, а лошади старого Хренового почти целиком погибли в эвакуации от голода и болезней.

Кто же остался? Потомки Леска и Корешка (в них «Полкан победил Бычка»), то есть хоть и бывшие, но Полканы и Лебеди. Остались Вармики, потомки «мужика Пройды», облагороженные охотниковскими лошадьми. Уцелели прилепские Кронпринцы-Лебеди, прилепские же Громадные-Граниты и Удалые-Бычки. И в будущее орловской породы Я. И. Бутович смотрел в 1920-х годах то с надеждой, удивляясь ее стойкости после стольких невосполнимых потерь, то с сомнением, наблюдая победное шествие неказистого, но скороспелого американского рысака в Европе. Он видел, как современники механически применяют инбридинги на косолапых Лесков, слабоногих Корешков и квадратных Вармиков в приземленной надежде на раннюю резвость потомства на короткой гитовой дистанции.

Еще не родились европейские рекордисты Улов и Вальс, когда Я. И. Бутович писал эту свою книгу. Поэтому не успели проявить себя в потомстве ни отец Улова – прилепский Ловчий, которого Яков Иванович хотел поначалу назвать Лебедем 12-м, ни прилепский Бубенчик в знаменитом золотом дубровском кроссе с Воином. Улов так же вразумил современных ему селекционеров, как в свое время Крепыш – русских коннозаводчиков, бросавших, как показало будущее, в никуда лучших орловских кобыл, скрещивая их с американским рысаком. Из нашего далека это особенно видно. Не так давно профессор Г. А. Рождественская сказала (надеюсь, что цитируем ее слова точно, зная, как внимательно

к ним отнесутся), что фактически сегодня всё в орловской породе бежит на Ловчем-Улове.

И вот, вооружась одной невесомой селекционной формулой Полкан 3-й плюс Лебедь 4-й, прилепский коннозаводчик готов был в одиночестве выступить против каких угодно неприятелей. Если бы советское коннозаводское ведомство предоставило ему для работы одних только метисов, но судьба подарила бы время на работу с тремя-четырьмя поколениями лошадей, то есть лет 40–50, он бы, наверное, и из них стал делать орловцев. И сделал бы! Ведь эта рысистая порода, «красивая собою и нарядная ездою», была создана на третьем и четвертом поколении от метиса Барса-родоначальника, в Полкане 3-м и Лебеде 4-м, или же, по словам и счету В. И. Коптева, на шестом колене от «незабвенного Сметанки».

Ранее нам казалось также, что особенности письма Бутовича – описательность, внимание к деталям истории лошади, лиризм – это проявления его литературного дарования. Он связно и увлекательно рассказывает о сложных селекционных явлениях и событиях. Теперь же мы думаем, что справедливее видеть даже в бытовых деталях его повествования те же самые селекционные идеи. Этот ритмичный и вместе с тем мягкий, несуетный стиль рассказа имеет своим источником все ту же точность генеалогического подбора. Иначе говоря, селекционный стиль работы коннозаводчика повлиял на его литературный стиль, если можно так выразиться,

«нервными окончаниями» такого способа заводской работы.

С недавнего времени грустные мысли нередко приходят на ум — о том, что прекрасные книги о красивом и полезном деле увидели свет или еще увидят, а самого дела уже не будет. Что сулит нам, например, тот факт, что для маточного табуна Пермского конного завода земель осталось после всех распродаж около трехсот гектаров? Теперь у этого предприятия земель столько же, сколько было в середине 1920-х годов, когда заводчане руководствовались не столько селекционным планом, даже не замыслом, еще не имевшим опоры, а считались прежде всего с планом работы весенних случных пунктов. Даже Я. И. Бутовичу трудно было содержать табун в 50–70 маток на сопоставимой территории. И это при всех его коммерческих способностях, не менее удивительных, чем его уникальная память.

Вообще, во всей истории русского рысистого коннозаводства известны только два-три примера, когда коннозаводчик, начав деятельность почти без средств, становился миллионером благодаря своей коннозаводской работе. Первым, кого коннозаводство обогатило, был бедный сосед В. П. Воейкова И. Д. Ознобишин. Правда, тогда был крепостной, рабский труд, но зато и орловские лошади, или, как говорил В. И. Коптев, шишкинские сокровища, покупались ценою сокровищ. Вторым составил себе состояние на лошадях П. А. Дубовицкий, третьим стал Я. И. Бутович.

В. И. Коптев благодарно вспоминал меры царского правительства, направленные на покупку в казну Хреновского завода: «Благотворная помощь правительства <...> как ковчег Ноя, всегда да сохранится». А за что можно похвалить современное правительство? Ведь идет распродажа племенных предприятий, даже базовых для существования орловской породы! «Всякое время имеет своих завоевателей и временщиков, так и в гиппическом мире», – писал В. И. Коптев в середине XIX века. И, говоря о проекте уничтожения казенных заводов, он увещевал современников: «Казенные рассадники – это основные животворные корни, питающие древо коннозаводства Российской Империи. <...> У нас в России ни один завод не переживал двух поколений владельцев, кроме завода гр. Шереметева, но и тот уничтожился».

Период 1870–90-х годов Я. И. Бутович называл «временем упадка, сумерками талантов, когда орловская порода едва не погибла от невежества и метизации». Это напоминает нынешние времена. Но если раньше замечательные орловские лошади могли раствориться в море разнообразия и полукровности, то сегодня – в луже. Некоторые современные коннозаводчики, работающие в отрасли недавно, считают, что достаточно видеть два-три восходящих поколения, чтобы получить выдающийся результат и прослыть знатоком заводской работы. О более глубоком изучении генеалогии они даже не помышляют. Но хорошие плоды приносит отнюдь не честолюбие. Селекционная работа – дело длитель-

ное. Ей надо посвятить всю жизнь, постоянно работать с восходящими родословными до пятого-шестого колена, и тогда можно достигнуть средневысокой резвости в массе приплода, а также изредка, как вознаграждение за целенаправленные усилия, получить замечательных лошадей. Кстати говоря, читатели воспоминаний Я. И. Бутовича могли обратить внимание, что большинство составленных им родословных охватывает примерно шесть восходящих поколений, нередко и больше. Потому что все эти поколения были равноценны в его глазах для повседневной работы, они словно воспроизводили и повторяли первоначальный полуторавековой замысел, возникший еще при создании орловской породы.

Не очень-то, наверное, и страшно было, как думается теперь, что до революции ядром породы были лошади второклассных заводов, потому что они давали «себе подобных, обычно правильных и дельных служилых лошадей». После советского периода, с господством крупных, базовых для породы заводов, с возникшими там внутривзаводскими типами, опять второклассные частные заводы претендуют на роль хранителей ядра породы. Но кто из них дальше от «идеала русской лошадиной натуры»? Вспомним слова первого историка породы В. И. Коптева, который характеризовал этот идеал – «коня сильного, безответного, недоступного усталости <...> из-под серебряной шерсти сквозит черная кожа аравийского коня звездами, яблоками и рублями». Кто же в итоге первым «придет молодецки к цели»?

В журнале «Коневодство и конный спорт», в январском номере за 2012 год, была опубликована научная статья о современных маточных семействах орловской породы. Процитируем вывод: «...говорить об отсутствии генетического разнообразия в породе нет оснований». Какое бы это было спокойствие, утешение сродни счастью, если бы мы увидели, что ошибаемся, и согласились бы с этим выводом! Но видится совсем другое. Прежде всего, исчезновение заводских типов вовсе не означает, что явилось разнообразие. И формальное присутствие в родословных различных имен (помимо довлеющей над породой крови жеребца Пиона) вовсе не означает, что такое давление с пользой преодолено. Наличие разных имен в родословной не гарантия того, что суть самой родословной не состоит в ее близости к 7/8 орловской кровности. Эту долю еще преодолеть надо с немалыми трудами! Появился и утвердился всего лишь разнобой, вызванный неизбежным шатанием невежественной мысли. Повторим, что нам после всего произошедшего с Пермским заводом было бы утешительно думать, что мы не правы. Мы хотели бы пожелать тем коннозаводчикам и предприятиям, которые устояли и приспособились к новому общественному строю, осмысленной работы на выбранном пути. К сожалению, пока наши выводы печальны. Беднокостные лошадки, с небольшой массой, ростом невеликие – вот каким нам видится сегодня будущее породы. Вот тебе, бабушка, и новый русский рысак! Трудно представить его на «легкой езде в тя-

желых дрожках», потому что он их даже с места не сдвинет. Как за шесть-семь поколений от Сметанки или за три-четыре от Барса порода была создана за 40–50 лет, так может все и кончиться. Примерами тому служат судьбы заводов времени «сумерек талантов». Скажем, завод А. Б. Казакова: его славные серые Полканы, пройдя через руки всего лишь трех хозяев за четверть века (а это два поколения лошадей, полностью проявивших себя в потомстве, то есть всего пять-шесть поколений), стали «просты и малопородны», как пишет Бутович. Есть и другие примеры заметных изменений в породе за небольшие сроки. «Выставка 1899 го да была интереснее выставки 1910 года», – ссылается Я. И. Бутович на оценки коннозаводчиков в книге «Мои Полканы и Лебеди». Речь идет о заводской работе перед началом массовой метизации орловских заводов и после нее. Бутович цитирует замечания барона Врангеля, который имел возможность сопоставлять типы лошадей за несколько десятков лет, и его только охотниковский жеребец Ветер-Буйный примирил с результатами русской коннозаводской работы на исходе XIX века.

И разведут люди руками, не видя больше различий между доморожденным рысаком и заморским. И спросят, как же так вышло, что Россия потеряла свою национальную породу, что мы оказались на селекционной обочине. Мы зависим теперь от чужого великодушия, словно в нашем отечестве случилась война. Орловец только тем и отличался от всех про-

чих рысаков, что он был «красивый собою и нарядный ез-
дою». Среди них и сейчас рождаются Полканы и Лебеди. Но вот
о нарядной езде уже более ста лет никто и не вспоминает.
Американская запряжка быстро стала основной при появле-
нии тотализатора и заморских рысаков на наших ипподро-
мах. А гитовая американская дистанция еще в советское вре-
мя стала главной при испытаниях.

Чтобы в заводской работе не утратить самостоятель-
ности, нужна не только решимость, полезно сравнивать свои
представления о наилучшем рысаке с представлениями вы-
дающихся коннозаводчиков прошлых времен. В этой книге
как раз и идет речь об идеалах и устремлениях селекционе-
ров рубежа XIX–XX веков. Коннозаводские идеи прошлого
почти забыты сегодня, хотя в прежние времена публикова-
лись многочисленные работы на эту тему. Ко многим из этих
изданий отсылает читателя Я. И. Бутович.

Возможно, пора систематизировать издание книг, посвя-
щенных русскому коннозаводству. Перечислим книги, забы-
тые и не очень, и рукописи, до сих пор не выходявшие в свет,
но еще не утерянные. Существуют две группы коннозавод-
ских таблиц, своего рода основных селекционных элемен-
тов. Первая всем известна, опубликована и не так давно пе-
реиздана, в книге В. О. Витта «Орловская рысистая поро-
да в историческом развитии ее линий». Вторая – это неиз-
данные таблицы Д. Ф. Добروحасова (их сведения кончаются
1970-ми годами). Целью автора было показать на материале

родословных современных ему орловцев, насколько орловский рысак близок к Полкану 3-му.

Где-то должна существовать рукопись Я. И. Бутовича об академике живописи Н. Е. Сверчкове. Возможно, есть его работа о кожинском Потешном, во всяком случае, в «Архиве...» он пишет о своих планах приступить к «этой приятной для себя работе». Сравнительно недавно нашлись рукописи его монографий о Крутом 2-м, Удалом и Добродее. В 1922 году Я. И. Бутович издал на правах рукописи «Каталог художественных произведений моего собрания», этот каталог можно переиздать. В 1920-е годы он, возможно, опубликовал для студентов Петровской академии и зоотехнического института таблицы Петушкова рода, так как сообщает:

«...они просили меня составить для них такие таблицы, ибо лицам, только начинающим изучать генеалогию орловского рысака, весьма трудно разобраться во всех этих Бычках и Петушках». Не опубликована и пока неизвестно где находится его рукопись по истории завода Г. А. Афанасьева.

Только однажды, в позапрошлом веке, были изданы книги В. И. Коптева «Материалы для истории русского коннозаводства», П. А. Дубовицкого «Взгляд на рысистое отделение Хреновского завода», И. К. Мердера (редактора «Журнала коннозаводства») «Сборник сведений о торговле лошадьми и перечень конских заводов в России», а также «Воспоминания» Д. Д. Оболенского, «Ключки воспоминаний» А. А. Стаховича, «Основы коннозаводства» В. Е. Оболенского с рас-

сказами о Дубровском заводе. Не опубликована до сих пор, насколько нам известно, рукопись профессора М. И. Придогоина «Дубровский завод».

Еще одна мысль часто приходит в голову. «Если работа наша не будет приносить пользы людям, то напрасны все наши усилия», – считал Я. И. Бутович, говоря о влиянии культурного коннозаводства на пользовательное, крестьянское. В его время такая мысль придавала силы и помогала заниматься любимым делом. Чем воодушевиться современному российскому коннозаводчику?

Многие, в том числе и работники отрасли, считают орловского рысака всего лишь музейным экспонатом: его нужно чтить как часть нашей истории, культуры и славы, но у него всё в прошлом. А ведь во многих странах мира коннозаводство и поныне остается живым делом, оно развивается и процветает, это самая сложная, полезная и красивая отрасль сельского хозяйства. Таким коннозаводство вполне может быть и в России.

*Андрей Соколов, заслуженный работник сельского хозяйства
РФ*

Сергей Бородулин, журналист

Введение

De cours en cours le flambeau des generations se rallume¹.

Прежде чем приступить к описанию тех рысистых заводов, которые я видел, считаю необходимым сказать несколько слов. Мне пришлось посетить и осмотреть, помимо чистокровных верховых и тяжеловозных заводов, около ста рысистых заводов, причем 82 из них я намереваюсь описать в этой книге. Вот список заводов (по именам их владельцев), составленный в алфавитном порядке:

Аркас Н. Н.

Афанасьев И. Г.

Бабёнышев Н. И.

Бутович Г. Н.

Бутович В. И.

Бутович И. И.

Бутович Я. И.

Вельяминов Г. Н.

Воейкова М. В.

Воронцов-Дашков И. И.

Вяземский Л. Д.

Голицына А. С.

Горвиц М. А. (наследники)

¹ В каждом поколении пламя вспыхивает вновь (фр.).

Горшков А. И.
великий князь Дмитрий Константинович
Елисеев Г. Г.
Живаго С. В.
Значко-Яворский П. А.
Казаков И. И.
Карузо С. Г.
Коноплин Н. М.
Красовский В. А.
Красовский П. А.
Кривцов А. Н.
Кулешова О. П.
Куприянова Ю. Д.
Курлин И. Г.
Лейхтенбергский Г. М.
Лёвшин Д. Д.
Ливенцов В. И.
Лодыженский Ф. И.
Малютин Н. П.
Марков П. В.
Мекк Н. К.
Мещерская Е. П.
Микулин В. П.
Москалёв С.
Новосильцов А. Ю.
Орлов Ал. Н.

Офросимов А. П.
Павлов Н. А.
Перепёлкина А. М.
Петров В.
Петрово-Соловово М. Г. (наследники)
великий князь Пётр Николаевич
Писарева В. Н.
Платонов К. И.
Позняков П. С.
Понизовкин Н. А.
Ралли П. С.
Расторгуев Д. А.
Рибопьер Г. И.
Родзевич Н. И.
Ропп А. Н.
Ртищев Н. А.
Руссо Л. А.
Рымарев А. И.
Савельев Ю. К.
Салтыков В. Н.
Секерин И. И.
Семиградов М. Ф.
Смирнов В. П.
Соловьёв Н. М.
Стахович А. А.
Сухотин М. Я.

Телегин Н. В.
Терещенко А. Н.
Терещенко К. С.
Терещенко Ф. А. (наследники)
Толстая А. Ф.
Толстой А. Л.
Устинова Н. Н.
Хомяков А. С.
Хреновской государственный завод
Хрущов Н. В.
Цевловский Н. А.
Шереметев В. Ф.
Шibaев Н. С.
Шишкин А. К.
Щербинский Д. С.
(наследники)
Щёкин А. А.
Якунин А. В.

Прежде всего должен сказать, что описывать заводы я буду отнюдь не в алфавитном порядке, а по другому принципу. Сначала опишу заводы юга России, где провел свое детство и юность. Тогда я совершил первые поездки по заводам и об этих впечатлениях и буду говорить. Нередко я принимал маршрутные поездки, например Хреновая – Чесменка – Поды – Хлебное, и об этих заводах я расскажу в том порядке, в каком я их посетил. Были случаи, когда я осмат-

ривал в одну поездку целое гнездо заводов, объединенных общей кровью. Тогда порядок описания будет иной: первоначально я опишу старейший из заводов такого гнезда, а затем те, которые от него пошли или же сильно заимствовали у него крови. Так будет по отношению к елецким заводам Стаховича, Красовских и Хрущева – группе заводов, которую прежние коннозаводчики и охотники так метко называли «Елецкой академией».

Давая описание каждого отдельного завода, я буду неизменно останавливаться прежде всего на личности самого коннозаводчика: постараюсь нарисовать его портрет, дам характеристику его коннозаводской и спортивной деятельности, приведу некоторые анекдоты из его жизни, если таковые имеют связь с лошадьми, – словом, буду стремиться воссоздать живой образ этого лица. Затем, насколько мне позволит память, буду приводить сведения о самом заводе, то есть о постройках имения, в котором завод находился, угодьях, способах кормления, тренировке, продаже молодняка и т. п.

Особое внимание я уделю истории каждого завода и его генеалогическому составу. Этому я, как генеалог, придаю особое значение, ибо каждый завод жил тогда не одно десятилетие и, покуда он жил, видоизменялось его генеалогическое лицо. Эти изменения вполне естественны, понятны и являются непременным условием существования каждого завода. Для нас, генеалогов, каждый завод является до некоторой степени открытой книгой, в которую каждое новое по-

коление вписало свою страницу.

Осмотрев почти сотню рысистых заводов России, я видел в них как лучших орловских производителей своего времени, так и лучших маток. Поэтому с особой тщательностью я буду описывать свои впечатления об отдельных знаменитых лошадях, помня, что имена их принадлежат истории и в будущем эти имена чаще всего станут повторяться в родословных, а зна чит, привлекать к себе наибольшее внимание. Хотя я редко вел записки, осматривая тот или иной завод, однако при описании знаменитых лошадей я вполне могу положиться на свою память, так как в свое время обратил особое внимание на их формы, тип и особенности.

Попутно я дам всевозможные другие сведения и нарисую различные бытовые картины, по мере того как они будут возникать в моей памяти, и укажу на круг лиц, связанных с тем или иным заводом. Они подчас имели весьма большое влияние на жизнь отдельных заводов, потому я присваиваю им наименование «друзья завода». Так, например, вокруг Ф. Н. Измайлова в Дубровском заводе группировалось четыре человека: Скаржинский, Карузо, Бутович и Кондзеровский. Измайлов с ними постоянно совещался и часто проводил в жизнь их указания. Такой круг друзей был у каждого знаменитого коннозаводчика, и я думаю, что читателю будет интересно узнать имена людей, так или иначе влиявших на судьбы знаменитых заводов.

Наконец, мне следует объяснить, почему я описываю свой

собственный завод и даю краткий очерк его развития и жизни. Пусть не подумает читатель, что в этом случае мною руководит тщеславие, желание поговорить о себе и своих успехах. Отнюдь нет. Это чувство сейчас, когда я пишу свои воспоминания в трагической обстановке, которую все мы, русские люди, переживаем, нам и непонятно, и совершенно чуждо! Не тем заняты теперь мысли, не о том болит душа, не тем переполнены сердце и ум русского человека! Если я все же буду описывать свой завод и отмечу лучших лошадей, в нем родившихся, то сделаю это, лишь исполняя обязанность, которая лежит на мне, как на генеалоге и историке коннозаводства. Я чувствую, что должен написать воспоминания о моих лошадях, ибо и они сыграли свою роль в рысистом коннозаводстве.

Более четверти века занимаясь изучением истории коннозаводства, я всегда скорбел о том, как мало материалов документального характера оставили после себя наши коннозаводчики. Достаточно сказать, что мемуары, которые я сейчас пишу, пока что единственные во всей нашей литературе и других, написанных кем-либо из коннозаводчиков, не существует. Точно так же в периодической печати почти нет статей и заметок исторического характера о прежних деятелях коннозаводства и о лошадях, и если бы не труды В. И. Коптева, то прошлое нашего рысистого коннозаводства покрылось бы мраком неизвестности. Как часто, проводя время за чтением заводских книг и других источников

коннозаводского характера и смакуя состав того или иного знаменитого рысистого завода, я сожалел о том, что ни Дубовицкий, ни Кожин, ни Казаков, ни Воейков, ни кто другой не оставили нам если не мемуаров, то хотя бы заметок и записей о своих знаменитых лошадях. Какой исключительный, совершенно особенный, прямо-таки непередаваемый интерес представляли бы такие записки, сделанные хотя бы покойным «ловцом человеческих сердец» и знаменитым коннозаводчиком А. А. Болдаревым! Из них мы узнали бы, как он ценил таких великих маток, как Гильдянка, Горностайка, Грузинка, Козявка, Косатка, Кривая, Награда, Машистая, Самка, Чародейка и др., которые все были у него в заводе. Нужно ли напоминать читателю, что Гильдянка – мать роговского Степенного, Горностайка хреновская – родная бабка кожинского Потешного! Козявка дала Добрыню, а стало быть, она бабка Ночки 2-й и многих других знаменитых рысаков. Косатка – мать Визапуре 3-го, Кривая – мать Непобедимого 2-го, Визапуре 2-го и Отрада. Награда – мать Полкана 6-го! Машистая – мать знаменитой Буянки, а стало быть, бабка Азартной, Молодецкого, Арабки и Буянки 2-й, от которой в прямой женской линии произошли Громадный и Горыныч. Самка – мать знаменитой Славы и бабка Прелестницы, Догоняихи и Волшебника. Наконец, Чародейка – мать болдаревского Чародея. Все это исторические имена! Приведя их здесь, я не могу лишний раз не воскликнуть: какое у орловской породы славное прошлое!.. Вот о каких по-

истине великих и исторических лошадях мог написать свои воспоминания Аркадий Африканович Болдарев. В то время, когда он жил и творил, он не знал и не мог, конечно, предвидеть, какую исключительную роль сыграют в истории рысистого коннозаводства все эти крови. А они словно сговорились не выпускать нас из волшебного круга своего обаяния и донныне согревают и утешают наши охотничьи сердца.

Сожалея о том, что ни Болдарев, ни кто другой из знаменитых коннозаводчиков прежнего времени не оставили нам своих мемуаров, я полагаю, что эти воспоминания о коннозаводчиках и выдающихся лошадях современной мне эпохи представят в будущем известный интерес и не без пользы для дела будут прочитаны охотниками и любителями лошадей.

Пройдут года, десятки лет, столетия, сменится не одно поколение орловских рысаков, народятся и прославятся новые линии и новые имена. И тогда мои мемуары в руках будущего историка породы, быть может, явятся ключом к разгадке качеств некоторых великих лошадей будущего.

Завод И. И. бутовича

Начну свое повествование с описания завода моего покойного отца Ивана Ильича Бутовича. Коннозаводчиком в настоящем смысле этого слова он, собственно, никогда не был. Нельзя также назвать его и любителем лошади. Единственно, что отец любил в этом деле – хороших выездных лошадей и резвую езду, и его деревенская разъездная конюшня всегда комплектовалась лучшими на юге России рысистыми лошадьми. Отец знал толк в лошадях, ибо мой дед Илья Алексеевич имел хороший завод полукровных лошадей и отец с детства видел их. Этим объясняется его верный глаз на лошадь – он сам всегда покупал выездных лошадей и редко ошибался. Не только мой дед, но и прадед был коннозаводчиком и любителем лошади. Сведения о заводах моего деда и прадеда можно найти в первых коннозаводских изданиях. По заводу деда могу привести следующую интересную справку: в приложении к четвертому номеру «Журнала коннозаводства» за 1856 год имеется прибавление статистического характера, озаглавленное «Разные сведения, сообщенные владельцами при доставлении помещенных выше описей о заводах». На странице сорок первой там значится: «Бутовича кол. ас. (коллежского асессора) Ильи Алексеевича в 50-ти верстах от Переяслава. Лошади принадлежат к сорту упряжных и для легкой кавалерии, породы датской

с английской, зимой содержатся на сене и соломе». Как видно из этой справки, лошади были двух наиболее распространенных в начале прошлого столетия пород, и достались они деду от его отца – моего прадеда. Как сельский хозяин, отец, конечно, любил лошадь, но не был лошадиником, а потому невольно возникает вопрос: почему отец завел рысистый завод, когда ему было уже 45 лет и жизнь его уже вполне сложилась? Ответ на этот вопрос весьма прост: отец обладал громадным состоянием – в Касперовке у него было 13 480 десятин земли, в другом имении, Бежбайраках, 5 тысяч десятин, да еще около 20 тысяч он арендовал. Эти цифры дают понятие о громадном состоянии отца, который считался одним из богатейших помещиков юга России. Стоит ли удивляться, что частенько соседи спрашивали его: «Почему вы, Иван Ильич, при ваших средствах, не заведете рысистый завод?» Отец всегда отвечал, что он это дело недостаточно знает и любит.

В 1884 году в Касперовку, где постоянно проживал отец, на жительство переехал брат моей матери А. Е. Сонцов, екатеринославский помещик и страстный любитель лошади. Он был приглашен отцом помогать ему вести наше громадное хозяйство и прожил у нас пять лет – до тех пор, пока не окончил свое образование мой брат Владимир, который и стал помощником отца. Дядя скучал без лошадей и стал просить отца завести завод. «Охотно заведу рысистых лошадей, – отвечал ему отец, – однако при непременно

чтобы ты сам вел это дело и за него отвечал, так как я в нем ничего не понимаю». Итак, было решено основать в Касперовке рысистый завод и отец сделался коннозаводчиком.

Так как отец был очень широкий человек и любил все делать хорошо, то он потребовал от дяди, чтобы материал был куплен первоклассный и чтобы на покупку денег не жалели. Дядя хорошо знал борисовский завод, где часто бывал, живя в Екатеринославской губернии, неподалеку от этого завода, и так как ему был дан карт-бланш, то он и остановился на мысли купить весь племенной или, как тогда говорили, заводской состав именно у Борисовских. В то время борисовский завод не только был в зените славы, но считался едва ли не лучшим в России. Это было известно отцу, и мысль дяди он вполне одобрил. Дядя купил у Борисовских десять заводских маток по 1500 рублей за голову, то есть уплатил очень высокую цену, а в качестве заводского жеребца получил за 3500 рублей Злодея, который состоял производителем в этом знаменитом заводе. Кроме того, дяде был дан из числа непродажных второй жеребец – Рыцарь, которому тогда было два года. За Рыцаря уплатили 2000 рублей, а за всех лошадей – 20 500 рублей, сумму по тем временам очень значительную. Таким образом, Борисовские дали дяде первоклассный материал, лучший, который только имели. Отец, как он мне сам потом говорил, был вполне удовлетворен купленными лошадьми, и вновь основанный завод получил наименование Касперо-Николаевского. Он начал функцио-

нировать с осени 1885 года. Так мой отец стал коннозаводчиком. Спортсменом он, конечно, никогда не был и, кажется, даже ни разу в своей жизни не бывал на бегах. Коннозаводское дело он понимал как необходимость ежегодно приплачивать известную сумму на содержание завода, зато он имел великолепных выездных лошадей собственного завода, дарил своим родным, а иногда и нужным людям рысаков, не прочь был хвастнуть в разговоре с соседями, что у него в заводе лучшие крови – борисовские, да два раза в год, в день своих именин и именин моей матушки, присутствовал в манеже на парадной выводке. Тогда к отцу съезжались все соседи и губернские власти, в манеже во время выводки гремела музыка и шампанское лилось рекой. Отец, мать, вся наша семья и гости сидели в ложе, а рысаки один за другим показывались на выводке, взвивались на дыбы, фыркали, злились и затем становились в позы. Бичи нарядчика и наездника немилосердно хлопали, знаменитый Чапо-Тапо (Чеповский) в каком-то необыкновенном казакине распорядился выводкой. Конюхи, конечно, были одеты с иголочки, в новую форму, и все было красиво, парадно и оживленно. Вот как понимал свою коннозаводскую деятельность мой отец: для него это было развлечение, забава, а не дело.

Итак, завод отца был основан в 1885 году близ Касперо-Николаевки, которая вся принадлежала отцу и была построена на его земле. Касперовка Херсонской губернии находилась в 50 верстах от города Николаева и в 25 верстах

от станции Доброе, ныне Явкино, Харьковско-Николаевской железной дороги. Постройки завода были сделаны по плану отца, который, кстати сказать, очень любил строительство и всю свою жизнь что-нибудь да строил. Я также наследовал, к несчастью, эту пагубную страсть и извел на нее немало денег.

В заводе отца имелись лазарет, манеж, ложи, конюшня производителей, предманежник, две ставочные конюшни, жеребятник, маточная, открытый варок, пригон и варок маток. Все эти постройки были сооружены из пиленого гладкого камня, из которого так часто строят в Херсонской губернии, крыты железом и внутри не только удобно, но даже роскошно отделаны.

Я уже упомянул, что в Касперовке было 13 480 десятин земли, так что завод был вполне, вернее, свыше всякой меры обеспечен угодьями. Достаточно сказать, что при этом имении было 6 тысяч десятин заливных лугов, или плавней, как говорят на юге; в имении протекали три реки, из которых Грамаклея и Ингулец текли среди особенно живописных берегов и извивались тонкими серебристыми змейками по роскошным зеленеющим плавням. Словом, в этом обширном и богатейшем имении юга России земли было сколько угодно и в этом отношении завод был поставлен в самые лучшие условия, которые только можно себе представить.

Переходя к вопросу о том, как кормились лошади в отцовском заводе, я должен сказать, что здесь надо резко разгра-

ничить две стадии жизни завода. При дяде, то есть в первые годы, царили борисовские порядки. Их ввел дядя, а поддерживали наездник Загумённый и старик-маточник, которые прибыли от Борисовских в Касперовку вместе с лошадьми и остались здесь служить. Тогда лошадей кормили по борисовским нормам, ничего для них не жалели, правильно их воспитывали, вовремя заезжали и тренировали, для чего за церковью был разбит полутораверстный беговой круг. Были сбруи, беговые дрожки, нужное число конюшенной прислуги и пр. Словом, при дяде завод велся образцово и завоевал на юге весьма большое имя. Такое ведение не могло не сказаться на качестве лошадей, и о них заговорили с уважением, в завод стали приезжать не только барышники, но и видные коннозаводчики. Тогда же родились и лучшие лошади отцовского завода, в том числе те, которые в начале 1890-х годов появились на ипподромах.

Когда дядя уехал в свое екатеринославское имение и отцу стал помогать в хозяйстве мой брат Владимир, он получил в полное и бесконтрольное управление и рысистый завод. Брат всю свою жизнь был страстным охотником до лошадей, но, к несчастью, мелочным, скупым и недостаточно широким человеком. При нем ушли борисовские служащие, он стал экономить на кормах, инвентаре и конской прислуге. За десять лет его управления завод превратился в сборище дешевых упряжных лошадей. Загумённого сменил наездник Вековской, ибо он согласился служить за меньшую пла-

ту; затем самого Вековского сменил наездник еще подешевле, хромоногий Фрол. И так во всем. Естественно, это весьма скоро отразилось на заводе: пали лучшие борисовские кобылы, многие замечательные молодые кобылки не прошли должной тренировки и так и были пущены в завод. Словом, и кормление, и уход, и воспитание, и тренировка в этот второй период жизни завода были безобразны – стоит ли удивляться, что завод в конце концов погиб. Так обстояло дело до 1900 года, когда жалкие остатки завода унаследовал я.

Теперь будет интересно перейти к генеалогической картине. По мысли дяди и тех опытных лиц (прежде всего Молоцкого, брата знаменитого коннозаводчика), которые давали ему советы, основным производителем должен был стать вороной жеребец Злодей, рожденный в 1876 году в заводе Борисовских от Гранита и Злодейки, а затем вороной жеребец Рыцарь, рожденный в 1883 году в том же заводе от Варвара и Разбойницы. Посмотрим, что представляли собой эти жеребцы, как они были использованы и что дали.

Злодей был вороной масти, имел большую звезду во лбу и три, а может, и все четыре ноги по путовый сустав белые. Он был четырех вершков росту и необыкновенно хорош по себе. Отличительными чертами этой лошади были длина при превосходной линии верха, глубина и низость на ноге. Ноги Злодея были очень костисты, образцовой постановки и при этом сухи. Голова очень хороша, шея имела красивый выход. Грива тонка и коротка, а хвост обилен волосом.

Это была во всех отношениях превосходная лошадь, орловский рысак в настоящем смысле этого слова. Его очень метко называли, так как он был невероятно зол и строг. Глаз его частенько горел зловещим огнем, и войти к нему в денник не всегда было безопасно. У Борисовских Злодей отбился в молодости от рук и только потому не появился на бегу; дядя рассказывал мне, что у Борисовских утверждали, будто Злодей был необыкновенно резов и потому его оставили в заводе производителем.

Если мы обратимся теперь к происхождению Злодея, то увидим, что он был не только чистопородный жеребец, но и совершеннейший аристократ. Его отец – знаменитый толевский Гранит. Злодей был вовсе не похож на своего отца, совсем в другом типе. Я считаю, что своим обликом он вышел отчасти в дивовских (подовских), а отчасти в дубовицких лошадей. Однако строптивый характер и строгость он, несомненно, наследовал через отца Гранита от своего деда – знаменитого белого Добрыни, который уже в два года отбил от рук. Об этом весьма подробно и интересно, описывая завод графа К. К. Толя, сообщал в начале 1880-х годов владимирский коннозаводчик В. Курута. Мать Злодея, кобыла Злодейка, родилась в известном заводе А. И. Колемина, где было сосредоточено столько замечательных и высокопородных лошадей. Она была дочерью Уноса, что от подовского Ворона, и Злодейки завода Дубовицкого от знаменитого Горюна. Интересно отметить, что мать Злодея происхо-

дила по прямой женской линии от знаменитой шишкинской Купчихи, матери призовых Змейки, белого Друга, а равно и других весьма интересных лошадей, родившихся в Дядьковском заводе И. Н. Дубовицкого. Таким образом, по женской линии Злодей происходил из выдающейся женской семьи, а это всегда крайне важно для производителя. Отметим еще, что родная бабка Злодея была родной сестрой белого Друга, одной из лучших лошадей своего времени. Столь исключительное происхождение, выдающиеся формы, красота и хотя не проявленная, но несомненная резвость дали Злодею возможность остаться производителем в заводе Борисовских в то время, когда в нем были такие исторические производители, как Гранит графа Толя, Варвар, Памятник, воронинский Дружок, Летун 4-й и Подарок 2-й.

Оставив Злодея у себя в заводе, Борисовские, конечно, не ошиблись: Злодей дал превосходных лошадей, а две-три его дочери оказались замечательными матками. Достаточно вспомнить Сварливую, давшую пять призовых лошадей, в том числе безминутного Сеула 2.29,6 и Суету 2.22,1. Суета в свою очередь оказалась прекрасной заводской маткой. Некоторые дочери Злодея, поступившие от Борисовских в другие заводы, также дали удачный приплод. Назовем лишь вороную кобылу Сатиру (р. 1886 г.), оставившую в маленьком заводе, куда поступила, пять призовых лошадей, в том числе двух безминутных – Сапфиру 2.24,4 и Стрелу 2.28,3.

Дядя давал Злодею лучших кобыл. К сожалению, отец в то время категорически противился отправке лошадей на бега, говоря, что заниматься призовым делом он не станет, так как все, кто им занимался, в конце концов разорились. Таково в ту пору было убеждение многих, и потому дети Злодея не появились на бегах. Дядя мне говорил, что Злодей давал замечательных по себе и очень резвых лошадей. Его детей приезжие барышники отрывали, что называется, с руками и платили за них большие деньги. Двое сыновей Злодея были проданы румынскому богачу Катарушу за 6 тысяч рублей, а потом эту пару, уже съезженную у харьковского барышника Портаненко, приобрел королевский двор Румынии.

Когда брат Владимир вступил в управление заводом, он стал давать Рыцарю, которого считал великой лошадью, всех лучших маток, а Злодей получал козловских кобыл и полукровок. Действуя так, брат думал получить от Рыцаря призовых лошадей, а от Злодея – хорошие городские пары. Это был коммерческий расчет, и он оправдался в том отношении, что Злодей от всяких кобыл давал превосходных городских лошадей, но по охоте и для коннозаводства эта замечательная лошадь была погублена. Нет никакого сомнения в том, что Злодей дал бы лошадей более резвых, чем Рыцарь, и остается лишь пожалеть, что брат допустил такую ошибку. Злодей как производитель ценного рысистого материала был безвозвратно погублен. Во всех отношениях этот сын толев-

ского Гранита был из ряда вон выходящей орловской лошады, какие ныне встречаются, к сожалению, все реже и реже.

Рыцарь был также вороной масти, но крупнее Злодея – в нем было вершков пять росту. Никаких примет у Рыцаря не было. Он был необыкновенно густ, капитален, широк и делен. При большом росте и большой массе – сух, а это довольно редкое явление для лошадей подобного чекана. У него была маленькая голова (в Прилепах имеется большой портрет Рыцаря кисти Репина-сына, где голова утрированно мала, в действительности она была больше), несколько мясистая, но с хорошим выходом шея, превосходная спина, как, впрочем, у всех борисовских лошадей, хороший окорок и такие же передние и задние ноги. На этой лошади, с моей точки зрения, было чересчур много мяса, но в то время это ставили в особую заслугу. Отличительной чертой Рыцаря была его необыкновенная ширина: он так широко стоял передом, что между его передними ногами можно было пролезть. При этом он был чуть косолап. В то время шириной постановки ног увлекались чрезмерно и Рыцаря считали выдающейся лошады: думали, что в таком постанове кроется резвость и страшная сила. Разумеется, это ошибочно. По типу Рыцарь более всего приближался к улучшенному голландскому рысаку, потому что имел хорошую спину и не был сырым. Такое изменение типа следует отнести отчасти к местности, в которой он родился. Сухой климат и меловая подпочва Екатеринославской губернии способствовали тому, что борисов-

ские лошади стали суше и несколько отошли от типа своих предков, которые, особенно лошади Молоцкого, были сыры, тяжелы и отчасти грубы. Рыцарь был лошадыю не моего романа, но я должен признать, что он был по-своему выдающимся жеребцом и у него было много поклонников.

Рыцарь был сыном колюбакинского Варвара, одной из лучших и резвейших лошадей своего времени. Мать Рыцаря, вороная кобыла Разбойница, была внучкой Велизария, прославившего завод Молоцкого, и Разгулы от Молодецкого завода князя Черкасского. Молодецкий – сын знаменитого болдаревского Чародея и сапожниковской Радости, одной из лучших маток сначала в заводе Колюбакина, потом у Борисовских. И Молодецкий, и Радость выигрывали, причем последняя была дочерью знаменитого серого Кролика завода графа Соллогуба. Этого Кролика принято называть сапожниковским, так как в цветах охотника Сапожникова прошла вся блестящая беговая карьера этой выдающейся лошади. Кролик оставил небольшой приплод, так как погиб во время пожара в заводе Сапожникова, пробыв там всего один случайный сезон. Заводская деятельность кобылы Радости показала, каких детей мог бы дать Кролик и насколько большой ущерб нанесла его преждевременная гибель орловской рысистой породе в целом. Не только у Колюбакина, но и у Борисовских Радость считалась едва ли не лучшей заводской маткой. Она стала матерью Ратника, выигравшего международный приз в Париже в 1878 году, Разгулы и Радуги. В прямом

потомстве этих двух кобыл такие известные лошади, как рекордист Радужный, Радужная (Щёкина), Радуга 2-я, Рыцарь, Разлука, Розалия, Рьяная, Стуколка и др. Нечего и говорить, что дочери и внуки Разгулы и Радуги оказались замечательными заводскими матками.

Итак, мы видели, что Рыцарь был лошастью очень высокого происхождения. Не удивительно, что он дал призовое потомство. Был ли резон сам Рыцарь? Вот вопрос, на который интересно ответить. Он пришел в Касперовку, когда ему было три года, и пришел со славой резвейшей лошади. Здесь я должен сделать оговорку: я уже написал, что Рыцарь был куплен у господ Борисовских в 1885 году, а в «Заводской книге русских рысаков» сказано, что он продан отцу в 1886 году. В действительности дело было так. В 1885-м дядя приехал в завод Борисовских. Рыцарю тогда минуло два года, он считался лучшим жеребцом в ставке, был непродан и как раз в это время болел мытом в самой тяжелой форме, так что опасались даже за его жизнь. По совету наездника Загумённого дядя стал торговать Рыцаря, но Борисовские наотрез отказались продать жеребца, говоря, что после призовой карьеры он пойдет в завод. После того как дядя сделал крупную покупку, Борисовские, которые знали о средствах моего отца, учли возможность будущих крупных продаж и уступили Рыцаря. Дядя говорил мне, что он шел на явный риск, покупая эту лошадь, так как было мало надежды, что Рыцарь выздоровеет. А Борисовские уступили ло-

шадь, боясь, что она погибнет. Рыцарь был в таком состоянии, что его нельзя было принять, и дядя оставил его на год при заводе Борисовских с тем, чтобы он там нес работу. Рыцарь был принят в завод отца только в 1886 году, что и отмечено в заводских книгах. Когда из завода отца к Борисовским приехал Загумённый, чтобы принять лошадь, Рыцаря не хотели отпускать и предложили отцу получить за него двойную цену – 4 тысячи рублей. Отец не согласился, и Загумённый привел Рыцаря в Касперовку. По рассказам этого наездника, Рыцарь ехал трехлетком так хорошо, что обещал стать выдающейся лошадью. Все соседи собрались его смотреть, и он на всех произвел очень сильное впечатление. Дядя рассказывал мне, что после выводки все отправились на ипподром, где Загумённый показал лошадь на езде. Тут Рыцарь произвел еще большее впечатление и окончательно покори́л все сердца. Я, разумеется, не видел той езды, но впоследствии, когда подрос и стал постоянно бывать на конюшне, неоднократно наблюдал Рыцаря на езде. Он был резов и даже немолодым в дрожках делал четверти без больших секунд. Но насколько он был резов и каков мог быть его рекорд – навсегда останется неизвестным. Рыцарь ехал очень красиво: у него был длинный, низкий, ползучий ход, а сам он вытягивался прямо-таки в ниточку. Приняв во внимание его массу, картинную русскую запряжку и манеру вытягиваться на езде, нельзя не признать, что это должно было глубоко впечатлять зрителя.

Прежде чем перейти к заводской карьере Рыцаря, я должен сказать хотя бы несколько слов о том, какой популярностью пользовалась эта лошадь на юге России. Несомненно, начало такой популярности было положено заводом Борисовских, где Рыцаря предназначали в производители и откуда его с таким трудом в конце концов выпустили. В этот знаменитый завод съезжалось в течение года немало всякого народа, и многие, если не все, слышали о необычайной резвости Рыцаря и о том, что его продали отцу. Как водится в таких случаях, конюшенная прислуга мало-помалу превратила Рыцаря в знаменитость и втихомолку обвиняла администрацию завода в том, что она не сумела удержать такую лошадь. И барышники, и приезжие стали разносить эти слухи по городам и весям нашего обширного отечества, и там, где собирался лошадиный народ, – по чайным, трактирам и прочим местам – заговорили о Рыцаре. В 1889 году Борисовские сделали попытку купить у отца Рыцаря – письмо от них хранится в моем коннозаводском архиве. У нас в заводе это письмо показывали охотникам и покупателям. Отец не держал призовой конюшни и, оставляя ежегодно для своей езды двух-трех лошадей, всех прочих продавал. Покупателем первые семь лет был знаменитый харьковский барышник Портаненко, который снабжал весь юг России рысистыми лошадьми и был заинтересован в том, чтобы поддерживать распространившуюся славу Рыцаря. Так установилась популярность этой лошади. А когда начали бежать дети Ры-

царя, то о нем заговорили решительно все охотники на юге. Лошадь торговали многие коннозаводчики, а А. В. Якунин, как он мне сам говорил, специально ездил смотреть Рыцаря и давал за него отцу 10 тысяч рублей. Это было после Херсонской окружной сельскохозяйственной выставки 1890 года, где были представлены все лучшие заводы Новороссии. На этой выставке группа детей Рыцаря получила высшую награду – большую серебряную медаль.

Позднее такой знаток лошади, как Измайлов, взял Рыцаря для Дубровского завода на два года в аренду. Дерфельден посылал под него в Дубровку одну из лучших хреновских кобыл. Некоторые херсонские коннозаводчики, например граф Стенбок-Фермор, присылали под него своих кобыл, и долгое время Рыцарь был одним из самых популярных и знаменитых жеребцов на юге. Когда он был арендован для Дубровского завода, лишь один Карузо был этим возмущен и открыто говорил, что Рыцарь по кровям абсолютно не подходит к дубровским маткам. И оказался совершенно прав. Известность Рыцаря была столь велика, что я продал его, когда ему было уже 20 лет, за крупные деньги Г. Г. Елисееву. Так Рыцарь вернулся под старость в тот завод, где когда-то родился. Если бы у нас существовала коннозаводская энциклопедия, то в ней Рыцарю было бы посвящено немало страниц. Лично я считаю, что Рыцарь во всех отношениях был ниже Злодея, а известность его в значительной мере была раздута. Тем не менее это была незаурядная рысистая лошадь.

Посмотрим теперь, что дал Рыцарь как производитель. В заводе отца он был очень широко использован и оставил много детей. Я видел многих из них и должен прямо сказать: Рыцарь давал то, что тогда метко называли «разнобой». Наряду с превосходными лошадьми от него получались и совершенно заурядные по себе. Кроме того, в его потомстве было много лошадей бесспинных и некоторые жеребцы – в кобыльем духе. У отца в заводе от Рыцаря было несколько весьма недурно бежавших лошадей, и, принимая во внимание то безобразное ведение завода, которое имело место при брате, надо сказать, что Рыцарь был способен давать призовых лошадей хорошего среднего класса. Его сын Красавчик (от Копилки) был в свое время резвейшей лошадью на ипподромах юга России. Красавчик победоносно прошел по южным ипподромам и в Курске, где он бежал с исключительным успехом, был продан за 7 тысяч рублей в Вену. Там он много выигрывал и стал в ряд резвейших рысаков. Хорошо также бежал густой, превосходный по себе караковый сын Рыцаря Боец (2.28,1), проданный затем в Швецию, где он поставил по льду рекорд на версту и долгое время оставался одним из самых популярных производителей. Краля, Придворный, Деловая и некоторые другие лошади, родившиеся в заводе отца от Рыцаря, также успешно бежали. В Дубровском заводе, где Рыцарь пробыл два сезона, он получил лучших маток, в том числе мать Хвалёного, но, хотя и дал резвых лошадей, не произвел ничего заме-

чательного. Лучшими его детьми, родившимися в Дубровке, были Разбитная 2.22,5, Раздобытый 2.2,1, Размеренный 5.06,3, Роскошный 2.23,4, Румяная 2.31, Редкая 2.29, Речной 2.25,3. У Елисеева он дал классную Мими 2.21,6, Селула 2.29,6, Брызгалку 2.31 и др. Всего от Рыцаря бежало 23 лошади, выигравшие свыше 60 тысяч рублей. Такова была заводская карьера Рыцаря, и я совершенно согласен с Карузо, что этот жеребец не подходил к дубровским маткам ни по породе, ни по типу. Я думаю, что если бы Рыцарь в свое время не был продан отцу, а прошел тренировку в заводе Борисовских и затем стал там производителем, то именно там он дал бы приплод значительно более высокого качества. К такому предположению меня приводят чисто теоретические соображения: при случке Рыцаря с борисовскими кобылами в родословных полученных лошадей повторялись бы не только имена отдельных знаменитых рысаков, но и комплексы их имен, что всегда приводило и приводит к хорошим результатам в рысистом коннозаводстве.

Таковы были два основных производителя в заводе моего отца. Кроме них заводское назначение за все время существования завода получили еще два жеребца других заводов, а именно Подарок и Туман. Впрочем, следует заметить, что в числе производителей были и некоторые жеребцы собственного завода, но так как они не оставили решительно никаких следов, то и говорить о них я не буду.

Подарок, белый жеребец, родился в заводе князя З. Г. Ку-

гушева в 1877 году от Поспешного и Могучей. Подарок был куплен отцом у соседа-коннозаводчика Н. Н. Аркаса в 1888 году. Прожил этот жеребец недолго и следов в заводе не оставил. Но поскольку это была весьма интересная по себе лошадь, я все же скажу о ней несколько слов. Аркас решил продать Подарка отцу только потому, что сын Подарка серый Помпадур, родившийся в его заводе, был тоже очень хорош и уже тогда получил заводское назначение. Аркас так ценил Подарка, что за деньги продать его не соглашался никак, а получил в обмен на него от отца замечательную борисовскую кобылу Блонду (Гранит 2-й – Богатырка) и двухлетнюю кобылку Ненаглядную (Заветный – Негритянка) завода А. М. Козловского.

Подарок был замечательно хорош по себе. Это была крупная, дельная, широкая и высокопородная лошадь. Масти он был серебристо-белой, имел тонкий волос гривы и хвоста. По типу Подарок относился по преимуществу не к призовым рысакам, но это был старинный орловский рысак, в котором масса удачно сочеталась с гармонией форм и исключительной, чисто восточной породностью. В этом отношении Подарок заслуживал всяческого внимания, к тому же нельзя забывать, что в нем текла кровь Полкана 5-го. Я хорошо помню Подарка: при большой породности и такой же капитальности он был несколько сыроват и имел едва уловимый козинец, что иногда встречалось в потомстве Полкана 5-го. Подарок был очень интересного происхождения. Родился он, как я

уже отмечал, в заводе князя Кугушева, состоявшем из лошадей завода А. Б. Казакова. Я считаю, что завод Кугушева был лучшим рысистым заводом, когда-либо существовавшим в Новороссии.

Подарок был результатом характерной кугушевской комбинации кровей: линия хреновского Летуна плюс линия Полкана 5-го. Иногда эта комбинация варьировалась добавлением линии хреновского Быстролёта через жеребца Барсика. И действительно, Подарок в прямой мужской линии через своего отца, куракинского Поспешного, шел от хреновских Летунов, а его мать была дочерью Павлина, сына Полкана 5-го, так что Подарок повторял эту известную генеалогам комбинацию кровей. Роль и значение Поспешного, Барсика и Павлина, бывших производителями в заводе Кугушева, я обозначу, когда буду говорить об этом заводе в целом. В Прилепах имеется портрет белого жеребца кисти Чиркина, выполненный в 1880 году. Этот портрет разыскал в Елисаветграде, где жила когда-то вдова князя Кугушева, управляющий Елисаветградской заводской конюшней ротмистр Данилович и указал на него моему брату как на портрет одного из производителей кугушевского завода. Брат подарил мне этот портрет, считая, что на нем изображен Подарок. Тогда я с этим согласился, но потом понял, что ошибся. На портрете изображена уже немолодая лошадь, а Подарок родился в 1877 го ду, и так как портрет написан в 1880-м, то ясно, что это другая лошадь. Не был на портрете изображен и сын

Полкана 5-го Павлин – он родился в 1848 году и едва ли дожил до 32 лет. Скорее всего, это портрет одной из кугушевских лошадей породы Полкана 5-го, так как изображенная лошадь имеет очень много общего с белым жеребцом Ухватом (Корешок – Свирель) завода Стаховича, состоявшим производителем в Прилепском заводе. Сходство между обеими лошадьми удивительное – и в выражении глаза, и в манере держать шею, и в общем типе, и в экстерьере. Это чрезвычайно важно было отметить, так как Ухват принадлежит к линии Полкана 3-го, отца Полкана 5-го.

Туман – последний производитель в отцовском заводе, о котором я буду говорить. Это была лошадь караковой масти и громадного роста – около семи вершков, типично тамбовская, сырая и угловатая. Туман крыл в заводе отца преимущественно полукровных кобыл и вскоре выбыл из завода. Происхождения он был довольно заурядного, родился в 1884 году в заводе А. М. Козловского.

Нельзя также не упомянуть, что на случные сезоны 1899 и 1900 годов Рыцарь был арендован у отца для Дубровского завода. Взамен Рыцаря Измайлов в 1899 году прислал в Касперовку Гонителя 5.16,4, а в 1900-м – Аркана 2.35,6. Оба жеребца были совершенно посредственные и ничего путного дать не могли.

Те десять борисовских кобыл, что легли в основание завода, представляли большой и несомненный интерес. Вот имена этих кобыл: Блонда (Гранит 2-й – Богатырка), серая,

р. 1881 г.; Бывалая (Памятник – Богатырка), караковая, р. 1879 г.; Галка (Кирпич – Гадальщица), вороная, р. 1881 г.; Дезертирка (Гранит 2-й – Досужая), белая, р. 1882 г.; Добычная (Велизарий – Добыча), вороная, р. 1872 г.; Калашница (Гранит 2-й – Ключница), серая; Копилка (Велизарий – Добыча), вороная, р. 1870 г.; Скромная (Дружок – Сабля), вороная, р. 1882 г.; Судьба (Гранит – Сударыня), вороная, р. 1876 г.; Шумливая (Гожий – Шутливая), вороная, р. 1882 г. Происхождение борисовских лошадей настолько общеизвестно, что нет надобности останавливаться здесь на их породе. Следует лишь сказать, что дядя купил дочерей всех лучших борисовских жеребцов того времени: Гранита, Гранита 2-го, Памятника, Кирпича, Велизария, Дружка, Гожего. Две кобылы, Добычная и Копилка, были родными сестрами знаменитого Добычника, что дал серию призовых лошадей у А. А. Соловцова. Остальные кобылы происходили от таких проверенных в заводе маток, как Сабля, Гадальщица и Богатырка, или от таких, как Сударыня и Шутливая, в чьем потомстве встречалось особенно много правильных и дельных лошадей. Словом, нельзя не признать, что выбор этих заводских маток был сделан удачно, а потому вовсе не удивительно, что лучшие призовые лошади в заводе отца родились от этих кобыл. Весь успех завода держался именно на этом первоначально купленном ядре заводских маток, и лишь тогда, когда его разбавили весьма посредственными кобылами других заводов, Касперо-Николаевский завод по-

терял свою известность на юге России и постепенно сошел на нет. Это случилось сравнительно быстро, в какие-нибудь десять лет, главным образом потому, что брат, соблазняясь хорошей ценой, которую предлагали барышники за молодых кобылок, происходивших от борисовских кобыл, продавал их безоговорочно и оставлял в заводе кобыл от посредственных маток. Так постепенно растаяло борисовское гнездо, о чем нельзя не пожалеть не только с личной, но и с общей коннозаводской точки зрения. Поскольку я отчетливо помню формы и тип этих маток, то скажу о некоторых из них.

Дезертирка, белая кобыла в гречке, была моей любимицей. Еще совсем мальчишкой я подолгу простаивал у ее денника или, лежа на траве, наблюдал за ней в табуне и думал о том, буду ли я когда-нибудь коннозаводчиком и буду ли иметь у себя в заводе таких замечательных маток. Моим мечтам суждено было осуществиться... Дезертирка была не очень крупна, чрезвычайно усадиста, а стало быть, уробиста, низка на ноге. Ее голова, глаз, спина, шея были превосходны; кроме того, она отличалась необыкновенной породностью, но какой-то особенной, своей. Это не была арабская лошадь, нет, это была настоящая рысистая кобыла, притом тяжелого типа, но абсолютно сухая и кровная. В ней не было ничего пряничного, но была пропасть женственности и та мягкость, плавность линий, которая через ее отца Гранита перешла к ней от толевских лошадей. Об этом я смог судить после того, как увидел Громадного и его потом-

ство, в котором так сильно выражено влияние Гранита. У меня есть к тому же портрет Гранита, и я видел других лошадей его крови, где эта гармония линий так привлекала глаз. Дезертирка по себе считалась не только лучшей кобылой в заводе отца, но, по словам дяди, была выбрана им у Борисовских из всей трехлетней ставки кобыл.

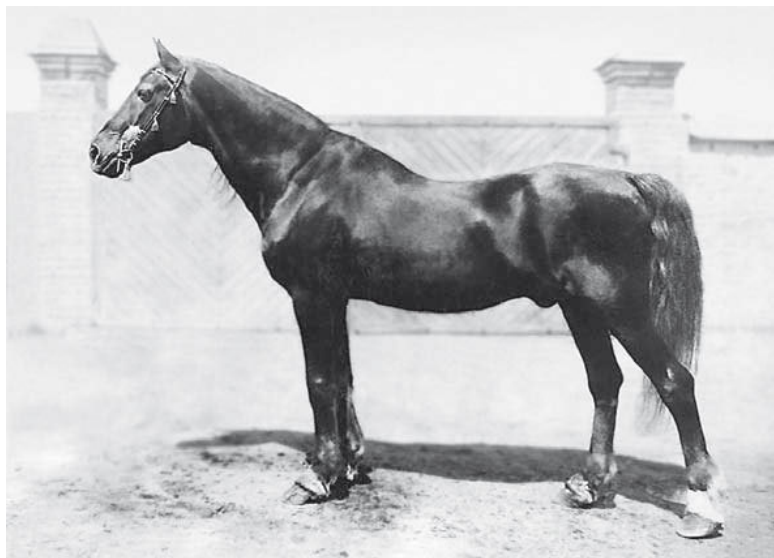
Блонда и Калашница еще две дочери Гранита 2-го. Они были сухими, кровными кобылами, но выше на ноге, чем их полусестра Дезертирка, и не имели ни того типа, ни тех линий, ни той породности. Все три дочери Гранита 2-го стали украшением табуна. Они оказались несравненно лучше по себе, чем Судьба, дочь Гранита 1-го, знаменитого как резвостью, так и своим приплодом. Впоследствии мне приходилось слышать, что Гранит 2-й давал по себе более ровный приплод, чем его знаменитый брат Гранит 1-й, у которого наряду с исключительными детьми были и заурядные. Гранит 2-й, как говорили старые охотники, «лепил в себя». Судя по дочерям Гранита 2-го, которые были в заводе моего отца, я склонен считать это мнение совершенно справедливым.

Копилка дала у отца Красавчика, а до этого у Борисовских она дала Комету 2-ю, от которой родился Крутой 2.20, одно время державший рекорд орловского рысака на Семёновском ипподроме Санкт-Петербурга. Копилка была родной сестрой известного Добычника, дочерью Велизария и внучкой с материнской стороны кобылы Розалии, дочери Полка-

на 6-го, а в прямой женской линии происходила от исторической кобылы Персиянки. Копилка пришла к отцу, когда ей минуло уже 15 лет. Она резко отличалась от всей остальной группы борисовских кобыл: плохо держала тело и прихрамывала; кроме того, была крупнее всех остальных кобыл. По себе она была простовата и несколько высока на ногах, но сухости необыкновенной и также длины, имела безукоризненную спину. Копилка дала в заводе двух кобылок, в том числе одну от Злодея. Брат не сумел их оценить и продал, выпустив, таким образом, из завода женское гнездо исторической Персиянки.

Теперь я скажу обо всех борисовских кобылах вообще, какими я их помню. Прежде всего, необходимо иметь в виду, что одна лишь Копилка была выше четырех вершков, все остальные были от трех до четырех вершков росту. Позднее в заводе Елисеева (бывший завод Борисовских) я видел много кобыл под шесть вершков и даже выше. Для заводской матки – я имею в виду кобылу рысистой породы – это чрезмерный рост, и если трудно вывести правильного и дельного жеребца такого роста, то не менее трудно отвести такую кобылу. Я считаю, что этот рост в заводе Елисеева дали главным образом потомки Подарка 2-го. В мое время среди охотников укоренилось убеждение, что елисеевские, а стало быть, и прежние борисовские лошади были очень крупны. Это ошибка. Прежние борисовские кобылы (я сужу по десяти кобылам отца) не были крупны, они имели нормаль-

ный для рысистой лошади рост. «Слоны» появились позднее, у Елисеева, и весьма мало имели общего с прежними борисовскими матками. Я признаю крупную лошадь и отдаю ей должное, но такая лошадь, притом дельная, широкая и гармоничная, встречается весьма редко. Скажу далее, что все кобылы борисовского гнезда, кроме Копилки, были низки на ногах, а потому утробисты, широки, ножисты, с превосходными спинами, хорошими шеями и при этом сухие и породные. Это были настоящие матки, кобылы-жеребятницы, типичные и превосходные образчики коннозаводского творчества.

Подарок 2-й 5.41 (*Подарок – Добрая*), р. 1871 г., бур. жер.
зав. В. Я. Тулинова

В 1887 году завод моего отца был пополнен покупкой части завода тамбовского коннозаводчика А. М. Козловского. Вот как это случилось. Брат Владимир в то время был в старших классах реального училища и вращался в Одессе среди тамошних лошадиников. Товарищем одесского городского головы был тогда К. Н. Новосельский, который купил или же получил за долги весь завод Козловского. В один прекрасный день все эти лошади очутились в Одессе и были назначены в продажу. По просьбе брата отец купил у Новосельского почти всех заводских маток и немало молодняка.

Завод Козловского был довольно старинный, но не произвел ни одной классной призовой лошади, велся исключительно в упряжном направлении и должен быть признан заводом второстепенного значения. В генеалогическом отношении этот завод представлял необыкновенную пестроту кровей, и так как опись его никогда не была напечатана, то установить точное происхождение некоторых лошадей было весьма трудно. Молодым человеком, работая над генеалогией лошадей завода моего покойного отца, я, естественно, заинтересовался заводом Козловского и поместил тогда в печати довольно обстоятельное исследование о его лошадях, разъяснив происхождение многих из них. Все же следует иметь в виду, что некоторые матки этого

завода, поступившие к другим коннозаводчикам, например к А. В. Асееву и братьям Киндяковым, дали не только призовых, но и классных лошадей.

Отец купил у Новосельского, не считая молодых кобылок, 21 заводскую матку, причем среди них три были не завода Козловского, а других заводов. Это были кобылы Заноза и Звёздочка завода Л. И. Сенявина и Прачка завода Шиловского. Одна из козловских кобыл, Тамара, была от рысистого жеребца Заветного и чистокровной кобылы Львицы (Жолнёр – Лиса от Сигнала). Львица родилась в заводе А. С. Вышеславцева, дочь которого Мария Аркадьевна была замужем за Козловским. У Вышеславцева был довольно большой чистокровный завод. В восьмом томе студбука чистокровных лошадей России указано, что у него было 11 чистокровных маток. Не подлежит никакому сомнению, что под влиянием Вышеславцева Козловский использовал в своем рысистом заводе чистокровных кобыл. В том же восьмом томе мы находим следующие интересные указания: «Ньюком (Жатель – Норма) в 1876 г. поступила в рысистый завод А. М. Козловского. <...> Жолнёрка в 1876, 1877, 1878 и 1879 гг. была в рысистом заводе Козловского».

Я не буду останавливаться на происхождении кобыл завода Козловского, принимая во внимание ту незначительную роль, которую они сыграли, но о формах и о том, что представляли собой эти кобылы, скажу несколько слов. Кобылы завода Козловского были чрезвычайно разнотипны –

как говорится, всех мастей и шерстей. Здесь были и настоящие дромадеры шестивершкового роста, и мелкие кобылки. Несколько кобыл были очень хороши по себе.

Богачка (Весёлый – Бургуния), вороная, р. 1879 г., зав. А. М. Козловского, была очень интересна по себе: шести вершков росту, спинистая, густая, фризистая, с превосходной шеей и головой, она бросалась в глаза даже среди борисовских кобыл. Богачка происходила кругом от лошадей князя Е. Г. Волконского, которые славились своим ростом и превосходными формами. Известно, что князь Волконский разводил у себя в заводе только каретных лошадей и совершенно не интересовался призовым делом. Но благодаря тому, что это был весьма талантливый коннозаводчик, его кобылы и жеребцы, которые позднее попали в другие заводы, везде дали превосходный призовой материал, иногда и самого высокого качества (Прометей и др.). Они передали своему потомству крупный рост и правильные формы. Говорят, что в заводе Волконского не было ни одной лошади меньше шести вершков, и я этому охотно верю, зная, какую роль сыграли впоследствии крови его лошадей в рысистом коннозаводстве. К сожалению, опись завода князя Волконского никогда не была напечатана, а потому в сведениях о происхождении его лошадей существует немалая путаница. Но заводские книги в этом заводе велись хорошо и верно, ибо князь был большим любителем и знатоком лошади. Тамбовский коннозаводчик Н. П. Писарев сообщил мне

кое-что интересное об этом заводе, а также подарил первый том «Заводской книги чистокровных лошадей», принадлежавший князю Волконскому. В книге есть несколько весьма интересных пометок о лошадях, доказывающих, какой охотник и знаток был князь.

Богачка была дочерью Весёлого (внук Верного 1-го), который, по прямой женской линии происходя от воейковских лошадей, упирался, как в конечный корень, в великую историческую кобылу русского коннозаводства Победу, дочь Усана 2-го. Мать Богачки, кобыла Бургундия, родилась тоже у Волконского от Бурного, бабка Богачки – от Богатого 1-го, прабабка – от Алмаза. Словом, здесь налицо (по жеребцам) главные элементы, из которых князь Волконский постоянно и так удачно слагал родословные своих лошадей.

Заноза караковая (Заветный – Заноза) и Заноза серая были очень хороши по себе, но в разном типе. Заноза караковая была вершков трех с половиной, очень сухая, правильная и крайне пылкая кобыла. Заноза серая имела шесть вершков росту, была сыра, густа, фризиста и почти переходила в тяжеловоза. Ладов она была превосходных и происхождения весьма интересного.

Заноза вороная (тулиновский Кролик – Задорная), р. 1868 г., завода Л. И. Сенявина, в свое время бежала и была единственной призовой кобылой в заводе отца. Она состояла заводской маткой в ряде заводов – С. С. де Бове, Г. Н. Челюсткина, А. М. Козловского, И. И. Бутовича, а мо жет

быть, и в других. Заноза оставила весьма недурное потомство, из коего призовые лошади получились у Г. Н. Челюстина и Н. С. Шибаева. Эту кобылу я совершенно не помню, так как она поступила к отцу уже старухой и вскоре пала.

Все остальные кобылы завода Козловского не заслуживают отдельного упоминания, и, с моей точки зрения, покупка этих кобыл была ошибкой. Остается добавить, что брат, ведя завод, иногда покупал кобыл для пополнения завода из разных рук. Так получили заводское назначение Лебёдушка завода князя Мещерского, Ханыша завода Пешкова, Прихоть завода Кузьминова и др. Все эти кобылы покупались не потому, что они были нужны заводу, не потому, что они были резвы и выдающегося происхождения, а лишь потому, что, покупая лошадей на Георгиевской ярмарке в Елисаветграде, брат брал их задаром, в придачу. Это уже, конечно, не коннозаводство, а нечто другое, а потому мы и поставим на этом точку.

Прежде чем перейти к следующему заводу, дам две-три бытовые зарисовки из жизни завода моего отца. Сделаю это тем охотнее, что с ними связаны дорогие воспоминания моего детства.

Весьма колоритными фигурами были наездник Загумённый и знаменитый Чеповский, он же Чапо-Тапо. Однако не они привлекали меня на конюшню, куда я при первой возможности еще совсем крохотным мальчуганом убегал из дому от гувернанток и нянек. Хотя я, по правде говоря, и был

в приятельских отношениях со всем конюшенным персоналом, но не люди, а лошади тянули меня в конюшню, где я, не скучая, мог сидеть целыми днями, если бы не погоня, которая вылавливала и беспощадно водворяла меня домой. Недаром, когда я подрос, дядя, говоря о моей страстной любви к лошади, рассказал, что, будучи еще трехлетним ребенком и перелистывая однажды какую-то книжку, я увидел лошадь и, серьезно показав на нее крохотным пальчиком, заявил: «Это Бог!» – за что и был примерно наказан.

Много интересного видел я на конном дворе, много наблюдал, расспрашивал о лошадях, а когда запрягали Злодея, то, в страхе прижавшись в уголку, смотрел на Загумённого, который в те часы казался мне героем. Злодей на езде был необычайно строг, и Загумённый, садясь в дрожки, всегда крестился и шептал молитву. Подростком мне разрешали садиться сзади наездника, когда проезжался Рыцарь. Жеребец был очень мягкого характера и на езде спокоен и умен. Большого удовольствия, чем эти поездки, я тогда не знал, и они навсегда остались в моей памяти. Бывало, рано утром прибежишь на конюшню, а в запряжном сарае уже закладывают Рыцаря. Наездник Вековской спокойно садится на дрожки, не спеша разбирает вожжи, я примасиваюсь сзади, и мы медленно и важно выезжаем из ворот. До бега мы едем тротом, а там Вековской выпускает Рыцаря – и дух захватывает от резвой езды. Но вот поездка кончена, сердце учащенно и радостно бьется, и мы медленно возвращаемся назад.

Майское утро так прекрасно, и кругом все так сверкает, поет и играет в любовных дуновениях южной весны...

Я посетил на своем веку много имений, хуторов, сел и деревень, но редко где встречал такие живописные места, как в Касперовке. Само имение утопало в садах, лежало в котловине и омывалось рекой. Подъезжая к нему с южной стороны, приходилось несколько верст двигаться по низкой степной местности, по обильным травяным лугам. По ним были рассажены груши и яблони. Деревья стояли то в одиночку, то небольшими группами, и так на протяжении нескольких верст. Изредка на этом роскошном изумрудном фоне синели рощи терновых кустарников. Весной все это цвело и благоухало, и глаз нельзя было оторвать от этой восхитительной картины.

Совсем другие виды открывались, если вы подъезжали к Касперовке с северной стороны. Тут расстилались пустынные, величественные раздолья херсонского юга. С севера по направлению к Николаеву, пробираясь все ближе и ближе к югу и к морю, тянулись бесконечные возы чумаков. Нет ничего живописнее чумацких привалов! Чумаки имели обыкновение останавливаться верстах в двух от Касперовки, у самой криницы, где выпрягали своих волов и сами укладывались отдыхать. Возы они обыкновенно ставили четырехугольником, затем разжигали костры и принимались варить кашу или кондёр. Тут и там мерцали огоньки, над ними стояли железные треножники, медленно покачивались котелки

с варевом; огонь быстро и ярко разгорался и в ночной темноте освещал загорелые лица чумаков, которые тихо беседовали промеж себя и в ожидании каши тянули из коротких носогреек тютюн. Мы, дети, в линейке, запряженной четверней добрых рысистых лошадей, возвращаясь с прогулки из приволянского леса, частенько останавливались у этих чумацких костров и смотрели на них. Да, тогда были в жизни поэзия и красота и людям жилось привольно и спокойно!

Моим любимым развлечением летом были, конечно, поездки в табун. Рысистый табун отца ходил верстах в двенадцати от завода, в плавнях, которые носили название Широкое. Там был устроен пригон, и туда на все лето уходил табун маток и молодых кобылок. Табун собирался голов в полтора-два и круглые сутки ходил в плавнях, лишь во время жары укрываясь на пригоне от палящего южного солнца, оводов и мух.

После обеда в беговые дрожки обыкновенно закладывались рысистый мерин Грач, и я вместе с маточником, стариком Максимом, ехал в Широкое. Плавной рысью, широко неся задние ноги, резво и охотно бежал Грач по хорошо знакомой дороге. Миновав широкую улицу в два порядка с избами служащих и старинную церковь, мы брали налево и некоторое время ехали параллельно большой Вознесенской дороге. Верст через пять мы подъезжали к пасеке колод на семьсот-восемьсот. Там были небольшой сад, колодец, рощи, где сеялись медоносные травы и где все было так

величаво и вместе с тем так спокойно и просто. За пасекой сейчас же начинались низкие степные места с рощами, болотами и деревьями. Здесь дорога, все время извиваясь и делая причудливые петли, шла до самых плавней и пригона в Широком по живописной местности. Я переводил лошадей на шаг, разговор с Максимом сам собою прекращался, и мы смотрели на этот божий мир, полный красоты и вечной правды...

Лето было в полном разгаре: все деревья в соку, все травы в цвету. Куда ни посмотришь, всё цветы, цветы, цветы... Медленно двигались мы вперед по этому роскошному узорному ковру и въезжали в рощу. Там на полянах росли уже другие травы и цветы: кашка, медуница и донник. Над цветами вились и жужжали осы, шмели и пчелы. Кругом желтел зверобой, краснели дикие маки, синели бубенчики, и вдруг, как-то неожиданно, среди ярко-изумрудной зелени возвышался одинокий белый цветок. Я наблюдал за ним, а он качался одиноко, словно о чем-то задумавшись. Кругом в роще звучали голоса: без умолку трещали, звенели в высокой сочной траве кузнечики, кобылки, над цветами вились жуки, порхали мотыльки, ползали коралловые букашки, сойки трещали, горлицы перекликались, протяжно куковали кукушки, на разные голоса щебетали и пели мелкие птички... Хорошо в роще таким теплым, ясным и прозрачным днем! Мы медленно приближались к опушке, с наслаждением слушая и глядя по сторонам, а где-то вдали уже показались,

уже зазеленели, уже засинели плавни и открылись камыши, темные и величавые, издали было видно, как они качались и шелестели.

Почувяв близость лошадей, бодрой рысью побежал Грач, и мы незаметно преодолели пространство, отделявшее нас от плавней. Здесь было 6000 десятин заливных лугов – целое море цветов и целый океан травы. Но мое внимание привлекли не эти величественные плавни, не расстилавшееся над нами ясное и прозрачное голубое небо, не крики дергачей и другой луговой птицы, не красивые берега и чистые воды Грамаклеи, а тот рысистый табун, что пасся там, еще вдали от нас. Вот мы подъехали к нему, и я, все еще не слезая с дрожек, долго люблюсь и все отыскиваю глазами свою любимицу Дезертирку. Обычно она шла впереди и вела за собой весь табун, но сегодня ее не видно, и табунщики мне объясняют, что ее сосунок захромал и Дезертирку оставили на пригоне.

В плавнях в Новороссии, да и вообще на юге, табуны ходят не так, как они ходят на лугах, парах и жнивьях в Великороссии. Там лошади идут вразброд, зачастую пасутся далеко одна от другой и табун рассыпается по всему пастбищу. На юге табун, наоборот, держится вместе, пасется кучно и идет, медленно подвигаясь за передовой кобылой. Тогда, подолгу наблюдая жизнь табуна, я, еще совсем мальчуган, учился понимать лошадь и как бы подготавливал себя к будущей коннозаводской деятельности. Много счастливых ча-

сов провел я в плавнях, лежа в траве или следуя за табуном, любуясь и наблюдая.

Время шло незаметно. Наступал вечер. Денных табунщиков уже сменяли ночные. Мы с Максимом собирались домой. Грач нетерпеливо ржал и топал ногой. Небо замолало, и Максим, подняв свою посеребренную голову и долго, внимательно осматривая небосклон, заявлял, что будет ненастье. Мы скорее спешили домой...

Счастливо и беззаботно текла моя жизнь в Касперовке. Там, в этом родном и дорогом моему сердцу уголке, прошли годы детства и юности. Там я впервые познал и горе, и любовь, и разлуку. Никогда в жизни не забуду той роковой минуты, когда я покинул Касперовку навсегда... Как сейчас помню эти мгновения, эти душевные переживания, когда за поворотом дороги скрылось дорогое гнездо и я, обернувшись, снял шапку, перекрестился и в последний раз взглянул на синеющие степи и родные места.

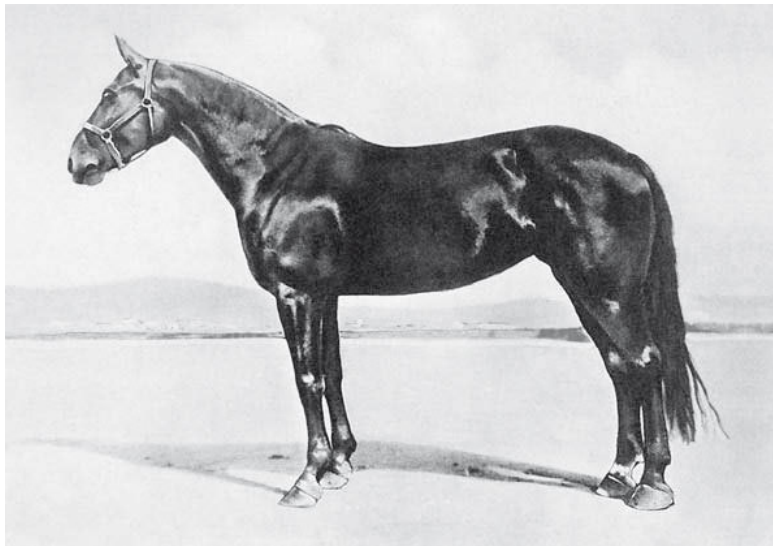
Завод В. И. бутовича

О заводе моего брата Владимира Ивановича я скажу всего несколько слов, так как его коннозаводская деятельность не заслуживает особого внимания. Года за три до смерти отец выделил брату его часть имения и состояния. Он получил хутор Родимое, в котором было около 3 тысяч десятин земли и который входил составной частью в большое елисаветградское имение отца, носившее название Бежбайраки. Родимое было передано брату со всей живностью и инвентарем. Рысистый завод отца к тому времени был уже значительно сокращен, вернее, сократился сам собой из-за падежей и непорядков, тогда в нем царивших, но отец все же дал брату десять рысистых кобыл. Завод брата просуществовал не более семи-восьми лет.

Решительно нет никакого интереса сообщать имена этих десяти кобыл. Следует лишь сказать, что производителем для своего завода брат купил первоначально серого жеребца Мраморного, а затем каракового жеребца Кота. Кот был куплен в Санкт-Петербурге на бегах и имел рекорд 5.16,1. Он происходил из завода Смольянинова и был сыном знаменитого мосоловского Кролика. Дети этого Кролика выиграли свыше 84 тысяч рублей, а его дочь-рекордистка Крылатая 4.42,2 оказалась по своей заводской деятельности подлинной жемчужиной для завода Шубинского. Напомню, что се-

рый жеребец Проворный тоже был сыном Кролика и в свое время успешно подвизался на ипподромах. Поступив производителем в завод братьев Емельяновых, он дал там хороших и резвых детей, и одно время мне принадлежала его дочь – серая кобыла Крошка 2.23,3. Несмотря на высокое происхождение и недурную для того времени резвость, Кот был совершенно посредственной лошадей: узкогрудый, плоский и даже бестипный.

Насколько Кот был нехорош, настолько Мраморный был прямо-таки великолепен по себе. Об этой лошади надлежит сказать несколько слов. Мраморный – серый жеребец завода И. К. Дарагана. Брат купил его случайно на ярмарке в Елисаветграде, совершенно изломанным, в ужасном виде. Лошади тогда уже было лет шесть-семь, и она, видимо, прошла не одни варварские руки. Брат ее подлечил, привел в порядок. Это была крупная, приятная и чрезвычайно дельная лошадь, к тому же костистая и достаточно породная. Это был рысак настоящего, хорошего типа, вполне в духе прежних тулиновских лошадей. Он был весьма интересного происхождения – сын известного тулиновского Машистого и голицынской Твердыни.

Крылатая 4.44,2 (*Кролик — Львица*), р. 1891 г., зав.
К. Н. Обидиной

В то время, когда Мраморный был у брата, в завод приехал Шишкин. Посмотрел лошадь, она ему понравилась, и он попросил показать ее в манеже, после чего тут же и купил за 800 рублей. Мраморного, конечно, не следовало продавать, но у брата не было ничего заветного... Шишкин сумел угадать в Мраморном очень резвую лошадь и, подготовив его, пустил на бега, где Мраморный бежал очень хорошо, показав резвость 2.22,3, что было превосходно для уже немолодой и столь побитой лошади. Впоследствии Шишкин

покрывал Мраморным своих кобыл. От Шишкина Мраморный попал в завод Боборыкина, где и кончил свои дни.

Брат в своем заводе не произвел ничего мало-мальски путного, а потому я закончу на этом историю его карьеры коннозаводчика.

Деятельность В. И. Бутовича как спортсмена может оцениваться более положительно. Свою призовую конюшню, которая пополнялась в основном рысаками моего завода, брат основал в 1908 году. Охотился он исключительно на юге России и держал конюшню в продолжение нескольких лет. Наездником у него был известный А. Е. Петров, долгое время служивший у Л. А. Руссо и от него перешедший к брату. Когда брат ликвидировал свою конюшню, Петров поступил к великому князю Петру Николаевичу. В течение ряда лет брат был монополистом на ипподромах Одессы и Киева, и в его цветах начали свою призовую карьеру такие лошади моего завода, как Кот, Кронпринц, Лакей, Фудутун, Низам, Безнадёжная-Ласка. Конюшня у брата была поставлена образцово, денег на это дело он не жалел – в то время он всецело отдавался интересам призовой охоты. Как спортсмен брат снискал себе в охотничьих кругах юга общее уважение и любовь.

Во время одной поездки к брату я познакомился с заводом Нейберга, которому не посвящаю отдельного очерка лишь потому, что этот завод не производил чисто рысистых лошадей, а был создан из местного материала путем прилития ры-

систой крови только через жеребцов-производителей. Вообще говоря, я полукровных заводов не описываю и делаю исключение для завода Нейберга лишь потому, что хочу рассказать, как в него случайно попал поистине знаменитый жеребец завода А. Б. Казакова. Этот жеребец один, благодаря своей из ряда вон выходящей препотенции, создал славу заводу Нейберга.

Из Касперовки в Бежбайраки мы обыкновенно ездили на лошадях. Расстояние между этими двумя имениями было 100 верст, и ездили мы всегда с подставой. Касперовская четверня, пройдя 50 верст, у знакомого колониста отпрягалась, отдыхала и затем возвращалась домой, а в экипаж закладывалась новая четверня, присланная из Бежбайраков. С отдыхом на подставе у немца-колониста, где подавался нам обед, этот путь мы легко делали за восемь часов.

Однажды, приехав на подставу, я с удовольствием отправился отдохнуть в чистый домик колониста, где почтенных размеров хозяйка уже хлопотала у стола и где было уютно, свежо и прохладно. Отдохнув и поблагодарив любезных хозяев, я вышел из дома и был удивлен, увидев у подъезда новую четверню великолепных вороных лошадей, рослых, сухих, породных и типичных, каких ранее никогда не было у брата. «Что это за лошади?» – спросил я кучера. Тот мне объяснил, что это новая четверка, купленная у Нейберга по 225 рублей за голову. Я обошел лошадей и не мог ими налюбоваться: четверка была удивительно хороша, а лоша-

ди так однотипны, будто все были сделаны по одному образцу. «Первый раз слышу о таком заводе», – сказал я хозяину. Он покачал головой и заметил, что лучших лошадей, чем у Нейберга, нигде нет. Приехав к брату, я сейчас же стал расспрашивать про этот завод. И вот что я узнал.

Верстах в пятидесяти от Бежбайраков жил богатый колонист по фамилии Нейберг, еще отец его завел завод. Брат мне рассказал, что лошади Нейберга очень хороши по себе, что он там недавно был и что родоначальником завода считают какого-то знаменитого жеребца по имени Полкан 7-й, но что аттестат его утерян. Все это меня крайне заинтересовало, в особенности после того, как за вечерним чаем брат сообщил, что у Нейберга купить лошадей почти невозможно: все немцы, а их в Херсонской губернии очень много, берут его лошадей нарасхват, поэтому он никогда не водит своих лошадей на ярмарки и не продает их барышникам-ливрантам. «По себе это замечательные лошади, и лучших трудно сыскать, – добавил брат. – Странно, что ты ничего не слышал об этом заводе от немцев-колонистов, ведь они ценят этих лошадей на вес золота, а немцы понимают толк в хороших лошадях». Все это вместе взятое, да еще имя какого-то легендарного Полкана 7-го, так меня заинтересовало, что я решил ехать к Нейбергу, дабы лично осмотреть этот завод и узнать, в чем там дело. Брат решил отправиться вместе со мной, и дня через три мы собрались.

Нейберг принял нас любезно и повел в конюшню пока-

зять своих лошадей. Конюшни, длинные, глинобитные, чисто выбеленные, были просты, но выглядели приятно. Вывели жеребца. По моде немцев-колонистов он был раскормлен свыше всякой меры, но так хорош по себе, что я им залюбовался. Лошадь была крупная, дельная, очень сухая, ребристая, с великолепной спиной и удивительно породная. Глаз, оскал, шея – все это прямо просилось на картину. Словом, выставочный экземпляр и настоящий орловский рысак! «Как зовут жеребца?» – спросил я хозяина. «Полкан 9-й, – последовал ответ. – Это внук знаменитого Полкана 7-го, который создал наш завод». Впрямь становилось интересно, что это здесь, в херсонской глуши, за династия Полканов. Я решил смотреть лошадей дальше, а потом ознакомиться с их породой. Два брата Полкана 9-го оказались столь же хороши, но несколько легче. Ставочные жеребцы выглядели один лучше другого, и все в типе отца и двух его братьев. Это были дельные, правильные и превосходные рысистые лошади. Воспитание они получили верховое и трех лет осенью распродавались в разные руки по записи, так был велик спрос на них. Ни о какой тренировке и заездке, конечно, не было и речи.

Посмотрев всех лошадей, мы поехали по табунам. Матки, двухлетки и годовики были так же хороши, как и только что виденные лошади, и совершенно однотипны. Масти они были исключительно вороной и вороно-пегой. Лошади произвели на меня очень большое впечатление, и, вернув-

шись в имение, я просил Нейберга рассказать историю завода и показать книги. Вот что я услышал.

«Мой отец очень любил лошадей и в середине шестидесятых годов случайно купил в Одессе знаменитого по бегам вороного жеребца Полкана 7-го. Он его купил у Бернадского. Но в силу каких-то недоразумений отец не получил на жеребца аттестата. Этот Полкан 7-й был замечательной лошастью и создал отцу завод. Кобылы у отца были простые и полукровные, но от них Полкан 7-й давал таких замечательных детей, что в какие-нибудь десять лет лошади отца прославились во всей округе. За них стали платить хорошие деньги, и отец, увидев, что дело это выгодное, увеличил количество кобыл в своем хозяйстве. Так мало-помалу создался наш завод – теперь я могу уже назвать его заводом, поскольку у меня нет ни одной лошади без крови Полкана 7-го. Он жил до 30 лет и дал массу жеребят. У всех моих соседей – Шульца, Фейна, Рота, Ёнера – есть потомки Полкана 7-го, и хозяева не нахвалятся. Теперь нет колонии, где бы не было жеребца моего завода и вообще моих лошадей».

Выслушав хозяина, я ему возразил, что никогда не было знаменитого призового рысака по имени Полкан 7-й, а также призового охотника по фамилии Бернадский. Не сомневаясь в том, что Полкан 7-й был замечательной лошастью, так как мы только что видели его потомство, я утверждал, что он все же не был призовым рысаком. Нейберг стоял на своем. Владимир, улыбнувшись, сказал ему:

«Вы не спорьте с братом, он известный знаток генеалогии и знает породу всех лошадей. Если он что говорит, значит это так!» На этом наш разговор тогда закончился, и я просил показать мне заводские книги.

Книги велись аккуратно. Родоначалницами завода были кобылы неизвестного происхождения, и среди них одна вороно-пегая, по-видимому замечательная, так как все ее дочери были оставлены в заводе. От этой кобылы и произошли все пегие лошади Нейберга. Их было много, и Нейберг мне пояснил, что отец его любил лошадей этой масти, да и покупатели брали их весьма охотно. Позднее – вероятно, после хороших продаж полукровных детей Полкана 7-го – были куплены три рысистые кобылы, и за все время существования завода только дважды были взяты посторонние рысистые жеребцы из Елисаветградской конюшни. Завод велся в самом тесном родственном скрещивании, имя Полкана 7-го везде повторялось. Я не мог не обратить внимания на этот факт и спросил Нейберга, почему они прибегают к родственному скрещиванию. «Так вел дело папаша, так его веду и я, – последовал ответ. – Результаты очень хорошие, и у нас всегда покупали лошадей, а не аттестаты».

Заводская книга велась на немецком языке, и брат, который свободно читал и говорил по-немецки, переводил мне. Задав еще несколько вопросов Нейбергу и еще раз посмотрев на выводке Полкана 9-го, мы простились с хозяином и отправились домой.

По дороге я только и говорил, что о заводе Нейберга. Лошади его мне очень понравились, и я ломал голову над тем, что за лошадь Полкан 7-й. Его происхождение меня чрезвычайно заинтересовало, я решил, что он недаром носил свое имя и, вероятно, происходил либо от самого Полкана 6-го, либо от одного из его сыновей. Кузнецов, купивший завод Казакова, имел свой завод в Харьковской губернии, и многие его лучшие лошади разошлись по заводам юга России. Скорее всего, это была кузнецовская лошадь. Так я подумал и на этом успокоился.

Вернувшись в Касперовку, я в заводских книгах Полкана 7-го найти не смог и решил, что происхождение его навсегда останется неизвестным. С. Г. Карузо по моей просьбе также предпринял изыскания по заводским книгам, но результатов не добился. Сам факт, что какой-то замечательный по себе рысистый жеребец по имени Полкан 7-й дал целый завод, да еще при таких неблагоприятных условиях, и прославил этот завод на целый громадный район, был настолько знаменателен и интересен, что я о нем рассказывал многим.

В том же году в Дубровке, во время знаменитого аукциона, куда съезжалось столько любителей, знатоков, коннозаводчиков, ремонтеров и барышников, я рассказал о Полкане 7-м и заводе Нейберга. Присутствовавшие на аукционе колонисты его, конечно, знали, были в восторге от моих слов и устроили мне овацию, а некоторые ремонтеры и старые барышники поддерживали меня вполне, дав самые лест-

ные отзывы о лошадях Нейберга, — они их тоже знали и ценили. Во время нашей беседы выводка и продажа шли своим чередом. Аукционист выкрикнул имя лошади и прочитал ее происхождение, как сейчас помню, необыкновенно фешенебельное. Мы все невольно обернулись, чтобы посмотреть на лошадь: это был козел, сухой, поджарый и бесспинный. Старик Хмара, полтавский барышник, показал на него пальцем и, не стесняясь, довольно громко сказал: «В породе десять Императорских призов, а лошади три копейки цена!» Мы улыбнулись и разошлись.

Ровно через десять лет после того, как я посетил завод Нейберга, мне удалось разыскать происхождение Полкана 7-го. Он действительно был призовой рысак, бежал и выигрывал, родился в заводе А. Б. Казакова от Полкана 6-го и Милой и принадлежал в 1861 году Н. Ф. Бернадскому. Таким образом, хотя не вполне (Полкан 7-й не был знаменитым призовым рысаком), Нейберг оказался прав. Его отец, добросовестный немец, верно удержал в памяти имя лошади, имя ее владельца и то, что она бежала и выигрывала. По этим данным я точно установил происхождение Полкана 7-го и на радостях дал телеграмму брату, прося его сообщить обо всем Нейбергу.

В свое время лошади Нейберга произвели на меня такое сильное впечатление, что я решил купить у него для своего завода пегого жеребца с закрепленным именем Полкана 7-го. Я написал об этом брату, и Нейберг охотно усту-

пил мне великолепного пятивершкового вороного жеребца Холстомера, сына Полкана 10-го. Этот Холстомер и пришел из Херсонской губернии в Прилепы. Долгое время он был производителем в моем пегом заводе, а за тем я его подарил своему другу Лодыженскому. Холстомер во всех отношениях был замечательной лошастью, по типу вполне рысистой. Я очень дорожил им, и он дал много ценного не только мне, но и по всей нашей округе.

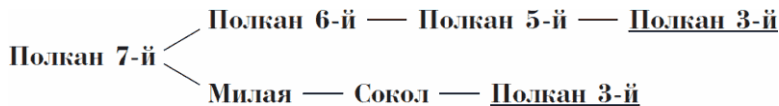
Расскажу теперь, как мне удалось разыскать происхождение Полкана 7-го. Ни в одной заводской книге Полкан 7-й не был записан, но мне удалось разыскать эту лошадь в Рысистом календаре за 1861 год, где на странице сто девяносто четвертой значится: «Полкан 7-й, вор. жер. Н. Ф. Бернадскаго, зав. А. Б. Казакова, от Полкана и Милой». Полкан 7-й родился в 1857 году у А. Б. Казакова, еще до продажи этого завода Кузнецову. Жеребец бежал только один год, четырех лет, и выиграл шесть призов на сумму 810 рублей. Впервые он появился в Екатеринославле 2 июля 1861 года и выиграл приз у кобылы князя Трубецкого, оставив за флагом Бойца завода Шидловского. Затем он бежал в Полтаве 15 июля и выиграл у той же кобылы Трубецкого и серого Щёголя г-на Мызко. Там же 18 июля в розыгрыше Большого приза государственного коннозаводства он опять победил и получил два приза. В Харькове 19 августа Полкан 7-й снова пришел первым, оставив за флагом, между прочим, известную кобылу Л. И. Сенявина Овечку. Через два дня он вновь выиграл,

показав свои лучшие секунды на три версты – 5.57, и этим бегом закончил свою призовую карьеру. Итак, Полкан 7-й выступил пять раз, пять раз пришел первым, а один раз получил еще и второй приз. И ни разу не был побит! Принимая во внимание его четырехлетний возраст и то, что он бежал первый год, такую призовую карьеру можно признать блестящей, а показанную им резвость – очень хорошей.

Лет через десять после того, как я познакомился с Нейбергом, у меня купил несколько лошадей некто Бернадский, управляющий заводом Сухомлинова, херсонского губернского предводителя дворянства. Бернадский рассказал мне, что его дядя, Н. Ф. Бернадский, был богатейшим человеком и имел в Одессе замечательных выездных лошадей. Отсюда я сделал вывод, что Бернадский, убедившись в высоких качествах Полкана 7-го, не стал его больше пускать на бега и взял в городскую езду. Я склонен думать, что Полкан 7-й был одним из лучших сыновей Полкана 6-го и именно поэтому ему дали имя отца. Известно, что по хреновской традиции, которой, весьма возможно, придерживались и у Казакова, номер к имени лошади давали только жеребцам, предназначавшимся в завод продолжать линию отца. Многие южане, обладая очень большими средствами, покупали лучших лошадей для городской езды, и в этом отношении Одесса, в то время столица юга, своими выездами напоминала Москву. Об этом мне говорили Якунин и другие охотники. Художник и коннозаводчик А. Д. Чиркин, по словам Х. В. Куприянова,

вызывался даже писать этих одесских лошадей и однажды получил от грека-миллионера заказ написать десять портретов лучших орловских рысаков, что и исполнил. Где находится эта коллекция, мне, к сожалению, неизвестно, хотя я ее в Одессе и разыскивал. Мы видим, какие охотники были среди тогдашних одесситов, и потому совсем не удивительно, что Бернадский не пожалел денег и купил лучшего четырехлетка в заводе Казакова. Это тем более вероятно, что покупка состоялась в 1861 го ду, а в 1863-м Казаков продал свой исторический завод. Весьма возможно, что в 1861 году мысль о продаже завода у него уже созрела и потому Полкан 7-й не был ему нужен в качестве будущего производителя. Все это приводит к мысли, что Полкан 7-й был замечательной лошадью, одним из лучших сыновей великого Полкана 6-го, и нельзя не пожалеть, что в свое время он не попал в первоклассный рысистый завод.

Скажу теперь несколько слов о происхождении Полкана 7-го. Его отец – Полкан 6-й, и этим все сказано! Его мать – Милая, дочь Сокола, сына Полкана 3-го, и Дунайки, родной внучки знаменитой Весны, матери Чистяка 3-го. Однако есть еще одно обстоятельство, на которое следует обратить внимание: это закрепление в родословной Полкана 7-го имени Полкана 3-го по следующей формуле:

Несомненно, это закрепление сыграло немалую роль и усилило в самом Полкане 7-м все положительные качества его великого пращура Полкана 3-го.

Итак, я рассказал здесь все, что знал о Полкане 7-м. Я столь по дробно остановился на деятельности жеребца, всю жизнь проработавшего в полукровном заводе, так как считаю, что создание целого завода одной лошастью, как это было с Полканом 7-м, заслуживает величайшего внимания. Полкан 7-й не только создал отдельный завод, он сделал больше: он создал целый, и притом весьма обширный, район и был жеребцом совершенно исключительной репутации. Имена таких лошадей не могут и не должны забываться, ибо они принадлежат истории.

Мой завод

Приступая к описанию своего завода, я должен сделать оговорку: я ограничусь лишь приведением фактического материала, расскажу, как я вел завод в различные периоды времени, какие были получены результаты и какие допущены ошибки. Таким образом, этот очерк будет носить несколько иной характер, нежели все остальные в этой книге.

Отец мой умер летом 1900 года. По разделу с братьями я наследовал завод отца и сделался коннозаводчиком. В Касперовке я прожил после смерти отца еще пять лет, вернее, эти годы там находился мой завод, так как я в это время еще был в кавалерийском училище, затем служил в полку и в имении проживал очень мало. Это был первый этап жизни моего завода.

Прежде всего надлежит, конечно, дать характеристику того материала, который был мною получен. Я уже говорил, что завод отца был в то время в полном упадке, а потому материал, который я получил, был весьма невысокого качества. Но осознал я это не сразу. Первоначально я думал, что, если куплю хорошего жеребца, дело быстро пойдет на лад. Кто из нас в молодости не отличался оптимизмом? Однако вскоре я понял, что на таком материале далеко не уедешь, а потому стал приискивать жеребца и заводских маток в рамках моих средств, которые тогда были очень ограничены.

Рыцарь был возвращен из Дубровского завода осенью 1900 года, и он стал моим первым производителем. Большая часть заводских маток, которых я наследовал, были дочерьми Рыцаря (Граната, Залётная, Заурядная, Комета, Свирель, Славянка, Соседка, Счастливая). С остальными дело обстояло так: Волшебница была завода Кузьминова, Задача и Прихоть – завода Козловского, Неприступная – завода Теренина. Все дочери Рыцаря были недурны по себе, в особенности рыжая Счастливая и гнедая Заурядная, но отвести от них призовых лошадей не удалось. Эти кобылы дали мне недурных упряжных лошадей, которые были проданы либо на юге, либо за границу. Задача, Прихоть и Неприступная были старухи – на них как на заводской материал надежды было очень мало. Кобыла Волшебница была кругом кровей завода Варшавского, однако без имени Приветного, который создал славу этому заводу. Она была мелка, бесспинна и нехороша по себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.